

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№27

декабрь 2013

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 27
декабрь 2013 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Лавров в Тегеране: новый уровень диалога.....40
Турция и Иран: сюрпризы возможны <i>Станислав Тарасов</i> 5	ПерсоПРО: Новая угроза региональной безопасности <i>Игорь Николаев</i> 44
Ирано-британские отношения <i>Игорь Николаев</i> 6	Иранская тема на пресс- конференции Владимира Путина.....48
Газопровод Иран — Ирак — Сирия <i>Михаил Агаджанян</i> 10	Путин: Иран является нашим приоритетным партнером.....51
Битва за Ирак <i>Владимир Ефимов</i> 15	Темные игры вокруг Ирана <i>Владимир Ефимов</i> 54
К визиту Сергея Лаврова в Тегеран.....19	Иран в системе безопасности на Южном Кавказе <i>Владимир Евсеев</i> 57
Два мира — две политики <i>Икрам Сабиров</i> 25	Саудовская Аравия и США: Темные игры вокруг Ирана продолжаются <i>Владимир Ефимов</i> 60
О новых акцентах во внешней политике Ирана <i>Владимир Ефимов</i> 29	Иран в 2014 году <i>Икрам Сабиров</i> 63
Еще один миф об иранской угрозе.....33	Саудовская Аравия роет себе могилу <i>Владимир Алексеев</i> 68
Запад уклоняется от женеvских соглашений <i>Владимир Ефимов</i> 37	

Краткое содержание номера

Эйфория вокруг подписания женевских соглашений по ядерному досье Ирана, как собственно и ожидалось, быстро сошла на «нет». Декабрь 2013 года стал месяцем, когда желающие ревизовать эти соглашения, придать им некий «антииранский» смысл — буквально выстраивались в очередь, используя для срыва женевского процесса и двусторонние визиты, и дипломатическое поле, и, разумеется, возможности медиа. Об этих попытках «ястребов» и «ревизионистов» — очередной, 27 номер нашего «Современного Ирана».

Сторонники нормализации отношений с Ираном апеллируют, в первую очередь к экономическим критериям взаимовыгодности сотрудничества. Активнее всех в декабре это демонстрировала Великобритания. Телефонный звонок британского министра иностранных дел Уильяма Хейга своему иранскому коллеге Мохаммаду Джаваду Зарифу в сентябре нынешнего года и решение о возобновлении дипломатических отношений между Тегераном и Лондоном стали предвестниками Женевских соглашений и общего потепления в отношениях между Западом и Исламской Республикой. Для Британии, как известно, «нет постоянных врагов, нет постоянных друзей — есть только постоянные интересы». Какие же интересы руководство Соединенного Королевства преследует, демонстрируя дружелюбие в отношении Ирана и жертвуя принципами «поддержки санкций»? Вопрос этот далеко не так прост, как кажется. Попытка разобраться в нем — в обзорной статье *«Ирано-британские отношения»*. Тот же Хейг по итогам Женевы весьма однозначно оценил перспективы ирано-британского диалога и границы двусторонних отношений: «При отсутствии существенных изменений в политике Ирана, связанных с его ядерной программой, мы будем продолжать поддержку политики жестких санкций». Перед нами типичная для британской дипломатии игра, в которой некие «моральные» принципы с легкостью приносятся в жертву экономическим интересам Великобритании.

Визит российского министра иностранных дел Сергея Лаврова в Тегеран имеет огромное значение не только для ирано-российских отношений. Целый ряд нюансов, возникших после достижения женевских соглашений, диктуют нашим странам необходимость срочных двусторонних консультаций и уточнения совместных позиций по ряду важнейших региональных и международных вопросов. Стремление получить от иранского руководства дополнительные личные гарантии того, что Исламская Республика намерена неукоснительно соблюдать обязательства, взятые на себя в Женеве — прекрасный повод для визита. О перспективах российско-иранского диалога, об общих угрозах и вызовах, которые стоят перед нашими странами — редакционная статья Iran.ru *«К визиту Сергея Лаврова в Тегеран»*. Совместное освоение Каспия и противодействия внерегиональной экспансии в этот важнейший геополитический пункт. Координация ценовой политики в вопросах добычи и поставки на внешний рынок нефти и газа. Формирование внедолларовой зоны расчетов за энергоносители, переход на национальные валюты в торговых и финансовых расчетах между этими странами. Проблема ЕвроПРО, которая, как выясняется теперь, после тур-

не Чака Хейгела по Ближнему Востоку, сразу же после визита в монархии Персидского залива иранского министра иностранных дел Джавада Зарифа, включает в себя и некую уже «ближневосточную составляющую». Формы взаимодействия Тегерана с единым таможенным союзом, повышение его статуса в Шанхайской организации сотрудничества и проблемы афганской наркоэкспансии, наконец. *«Вот далеко неполный перечень проблем, которые требуют совместной работы Москвы и Тегерана, потому как каждая из этих проблем — это прямой вызов интересам и безопасности наших стран. Собственно, круг этих вопросов составляет и повестку визита Сергея Лаврова (как явную, так и неявную), и повестку российско-иранского партнерства в целом»*, — отмечается в материале.

Со времени прихода к власти в Иране Хасана Роухани еще не прошло четыре месяца, а уже можно смело говорить о появлении существенно новых акцентов и векторов внешней политики Исламской Республики. Она стала значительно более предсказуемой, прагматичной, во многом избавленной от прежней идеологической заангажированности, и направленной на достижение главной цели — обеспечение благоприятных внешних условий для быстрого экономического роста иранской экономики и модернизации общества. Хотя происходящие изменения во внешней политике Тегерана вовсе не означают смены ее принципиального курса на международной арене и отказа от прежних ценностей, союзников и партнеров. «О новых акцентах во внешней политике Ирана» рассказывается в одноименной статье, автор которой отмечает, что Тегеран будет и далее наращивать свое влияние и находиться в фокусе возрастающего внимания мировых и региональных держав. А по мере развития экономики страны и ее модернизации, а также технического перевооружения вооруженных сил, Иран наберет еще более значимый вес в мировых и региональных делах. А главное — он станет важнейшим стабилизирующим фактором на Ближнем и Среднем Востоке, как и в зоне Персидского залива, где пока что на ведущих ролях выступают США. Так что в ближайшие месяцы следует ожидать все новые и интересные ходы иранской дипломатии.

Женевские соглашения по «иранскому ядерному досье», как выясняется, дали еще один, совершенно неожиданный результат. Они «пробудили к жизни» целую группу российских «титанов аналитики и исполинов геополитики», которые ныне со страниц различных изданий пророчествуют о том, что по итогам этих соглашений на Россию в скором времени обрушатся неисчислимые бедствия. Критический разбор творений подобных горе-аналитиков — в статье *«Еще один миф об иранской угрозе»*.

В материале содержится немало феерических утверждений. Чего стоит хотя бы такой пассаж: *«...начало реальной легитимизации иранской ядерной программы приведет лишь к еще большей гонке вооружений в регионе и мире»*. То есть, реально существующие ядерные арсеналы Израиля и почти 10% ВВП Саудовской Аравии, которые она тратит на оружие, миллиарды США и монархий Персидского залива на ПерсоПРО гонку вооружений не провоцируют. А вот мифическое ядерное оружие Ирана вкупе с 3,7% ВВП на оборону без сомнений поставят регион на грань вооруженного конфликта. И мы еще блондинок в «извилистой логике» обвиняем...

Но не все так просто. На острие домыслов и клеветы в адрес Ирана, России и женевского процесса — отнюдь не Иран, а российский Президент

и министр иностранных дел. Именно они виновны в том, что женевские соглашения стали, по мнению автора, поражением России. Со слов автора получается, что при президенте Медведеве политика Москвы в отношении Ирана была совершенно правильной. А вот при нынешнем — ошибочна и чревата. Что ж, вполне объяснимая позиция. Ни прозападное лобби в стране, ни российская либеральная оппозиция не намерены прощать Путину курс на самостоятельную и независимую от диктата извне внешнюю политику.

Подтверждением правильности этого вывода стало совершенно беспрецедентное событие уходящего года. Декабрь 2013 стал месяцем когда «иранской теме» впервые было уделено отдельное и серьезное внимание на двух важнейших внутрироссийских мероприятиях. «Иранская проблематика» обсуждалась и в послании Президента Федеральному Собранию, и на итоговой пресс-конференции Владимира Путина российским и международным СМИ.

Кто-то считает, что вопросам «иранского ядерного досье» и российско-иранских отношений было уделено излишне много внимания. Кто-то считает, что по большей части сказанное Президентом носило «дежурный» характер. Истина, как обычно, где-то посередине, и чтобы понять сказанное, а заодно — и невысказанное, стоит вчитаться в стенограммы выступлений чуть повнимательнее. Вопросы, заданные Раджабом Сафаровым на пресс-конференции, прежде всего выражали общественный запрос российской аудитории. Необходимость стратегического партнерства с Ираном, более углубленного взаимодействия с Исламской республикой по целому ряду важнейших международных вопросов — российской общественностью осознается в полной мере. Более того, развитие диалога Тегерана и Москвы воспринимается как одно из необходимых условий эффективной внешней политики России на Востоке. И, что также важно, как одно из направлений, развитие которых даст нашим странам существенные политические и экономические выгоды.

Сказанное российским президентом на пресс-конференции — *«еще раз подчеркнуть нашу принципиальную позицию — иранскому народу, иранскому государству должна быть обеспечена возможность развивать свои высокие технологии, в том числе в ядерной сфере, мирного характера, и международное сообщество не имеет права требовать от него каких-то ограничений дискриминационного характера»* — это, фактически, дословное повторение позиции, которую неуклонно и последовательно на протяжении нескольких лет проводит редакция Iran.ru и «Современного Ирана». С одной стороны, это высокая оценка нашей работы, совпадение позиций редакции с внешнеполитическими приоритетами страны. С другой — серьезный стимул к еще более активной деятельности в деле укрепления российско-иранских связей в наступающем 2014 году. С Новым годом!

Станислав Тарасов

Турция и Иран: сюрпризы возможны

После подписания соглашения между Ираном и «шестеркой» по иранскому ядерному досье Турция и Иран двинулись навстречу друг другу. Глава МИД Турции Ахмет Давутоглу заявил, что 17 декабря президент Ирана Хасан Роухани посетит в Турцию с официальным визитом. Позже Иран намерен посетить и Реджеп Тайип Эрдоган

Режим санкций подорвал торгово-экономические отношения между двумя странами. В то же время необходимо признать, что Турция находила возможности для того, чтобы обходить режим санкций. В 2012 году товарооборот между двумя странами достиг 22 млрд долларов, что в сложившейся ситуации можно считать неплохим результатом.

В случае подписания между Ираном и «шестеркой» окончательного соглашения по ядерной программе и снятия всех санкций против Ирана, по словам первого вице-президента Ирана Джахангири, товарооборот между двумя странами в 2020 году может достигнуть 100 млрд долларов. Тем более, что уже сейчас, согласно сообщению министра развития Турции Джевдета Йылмаза, рассматривается возможность создания между Турцией и Ираном свободной экономической зоны.

Но проблема не только в санкциях. В ходе так называемой «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, особенно по мере развития сирийского кризиса, позиции Анкары и Тегерана резко разошлись. Турция поддерживает силы сирийской оппозиции, выступает за отстранение от власти в Дамаске президента Башара Асада. Иран придерживается иного сценария сирийского урегулирования. Поэтому, когда главы МИД Турции и Ирана на совместной пресс-конференции в Тегеране выступили с призывом прекратить военные действия в Сирии до 22 января 2014 года — даты созыва международной конференции по Сирии «Женева-2», возник вопрос о методах достижения этими странами заявленной цели. Готова ли Анкара принять тезис Тегерана о сохранении на переходный период власти Асада в Дамаске и стимулировании сирийской оппозиции для действий на этом направлении? Это — первое.

Второе: каким образом будет действовать Анкара, призывая Тегеран «поддерживать взаимодействие против угрозы межконфессиональных и этнических столкновений в регионе», о чем говорил глава МИД Турции Давутоглу в своем выступлении в Центре ближневосточных стратегических исследований Ирана.

Пока создается впечатление, что на данном этапе Турция в отношении Ирана использует испытанный рецепт: экономика — отдельно, политика — отдельно. Но ход событий на Ближнем Востоке в последнее время приобрел такую интенсивность, что «разводить» экономику и политику уже не удастся. За сказанным «а» должно быстро последовать и «б». Так что, видимо, все идет к тому, что в ближайшее время во взаимоотношениях между Турцией и Ираном следует ожидать новых важных сюрпризов.

Игорь Николаев

Ирано-британские отношения

Телефонный звонок британского министра иностранных дел Уильяма Хейга своему иранскому коллеге Мохаммаду Джаваду Зарифу в сентябре нынешнего года и решение о возобновлении дипломатических отношений между Тегераном и Лондоном стали предвестниками Женевских соглашений и общего потепления в отношениях между Западом и Исламской Республикой. Для Британии, как известно, «нет постоянных врагов, нет постоянных друзей — есть только постоянные интересы». Какие же интересы руководство Соединенного Королевства преследует, демонстрируя дружелюбие в отношении Ирана и жертвуя принципами «поддержки санкций»? Вопрос этот далеко не так прост, как кажется.

На днях британский премьер Дэвид Кэмерон на приеме, устроенном в честь празднования еврейского праздника Ханука, заявил: «Враги Израиля являются моими врагами. Угроза Израилю является угрозой всем нам». А неделей раньше министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг порекомендовал израильскому премьеру Беньямину Нетаньяху не вмешиваться в процесс Женевских переговоров. Кто из них выражает реальное отношение Великобритании к Ирану? Оба, и никакого парадокса здесь нет. Тот же Хейг по итогам Женевы весьма однозначно оценил перспективы ирано-британского диалога и границы двусторонних отношений: «При отсутствии существенных изменений в политике Ирана, связанных с его ядерной программой, мы будем продолжать поддержку политики жестких санкций». Перед нами типичная для британской дипломатии игра, в которой некие «моральные» принципы с легкостью приносятся в жертву экономическим интересам Великобритании. Причем отношения с другой стороной строятся по принципу «кнута и пряника». В итоге Лондон получает политические и экономические преференции, а остальные — понимание того, что никакого равноправного диалога и не было, была лишь череда уступок в обмен на туманные британские обещания.

Картинки из недавнего прошлого

Иранцы, как, пожалуй, никто другой, ощутили на себе все «прелести» диалога с Британией. Не будем углубляться в историю и вспоминать, что Джордж Керзон когда-то прокомментировал одну из сделок Ост-Индской компании в Персии, когда богатства этой страны с беззастенчивой лихостью обналичивали и укладывали в свой карман «джентльмены викториан-

ской эпохи», следующим образом: «Это наиболее полная и чрезвычайная сдача всей промышленности и ресурсов Персии в иностранные руки. Это приз, о котором мы не смели и мечтать». Не будем вспоминать и о роли британцев в свержении премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка в 1953 году, их участие в попытке государственного переворота в Иране, вошедшего в историю как операция «Аякс», пятидесятилетие которой приходится аккурат на нынешний год. Обратимся к событиям последних лет.

Выдавленная Штатами с иранских рынков при шахе, в 1998 году Британия начала осуществлять «второй заход» в Иран. Состоялся обмен визитами тогдашнего президента Ирана Мохаммада Хатами и главы Форин-офиса Джека Стро, британский экспорт в Исламскую Республику только за 2006 год вырос вдвое, но все это никак не сказалось на снижении политического противостояния между Тегераном и Лондоном. В 2006 году королева демонстративно возводит в рыцарское достоинство Салмана Рушди — автора, вызвавшего яростный протест мусульман своим скандальным романом «Сатанинские стихи», и в отношении которого была издана фетва аятоллы Хомейни. В 2007 году 8 служащих британских ВМС и 7 морских пехотинцев на двух катерах, состоящих на вооружении военно-морского спецназа, «случайно заблудились» в иранских территориальных водах. 2009 год — Великобритания осуществляет прямое финансирование «зеленой оппозиции», устроившей массовые беспорядки в Тегеране в связи с избранием Махмуда Ахмадинежада на второй президентский срок.

Приход в 2010 году к руководству британской внешней политики Уильяма Хейга и его заместителя по ближневосточным делам Алистера Баррета был воспринят в Тегеране с вполне объяснимой настороженностью. Обе эти ключевые фигуры Форин-офиса до своего назначения являлись членами группы «Консерваторы — друзья Израиля» в британском парламенте, поэтому ничего хорошего для ирано-британских отношений эти назначения принести не могли. Прогнозы пессимистов вскоре полностью оправдались. Отбросив всякую сдержанность, Лондон стал одним из наиболее активных членов антииранской коалиции и проводником жесткой линии в отношении Ирана в ЕС, а за пределами Европы — всячески поощрял иранофобию одного из самых влиятельных членов Британского Содружества, Канады. Тогда же посольство Великобритании в Тегеране, в полном соответствии с избранным Лондоном жестким курсом, стало проводить политику ограничения выдачи виз, а в аэропортах Великобритании начали отказываться заправлять иранские пассажирские авиалайнеры, что выходило даже за рамки односторонних санкций ЕС. Почти миллиард фунтов иранских активов, замороженных английскими банками, также не способствовали нормализации отношений.

События 29 ноября 2011 года, когда иранские студенты, возмущенные очередным витком санкций, попытались проникнуть на территорию британского посольства в Тегеране, казалось стали кульминацией конфликта между Исламской Республикой и Соединенным Королевством. В результате ирано-британские отношения с конца 2011 года были полностью прекращены. И уж менее всего ожидалось, что именно Великобритания сделает «шаг навстречу». И уж тем более никто не ожидал, что никто иной, как Хейг, первым позвонит Мохаммаду Зарифу и заявит о необходимости как срочного прогресса в британо-иранских отношениях, так и прорыва на переговорах по ядерной программе Исламской Республики.

Иран как лекарство от британского экономического кризиса

Отстаивать некие политические принципы вроде «прав человека», «ядерного нераспространения» и «поддержки Израиля как единственной демократии на Ближнем Востоке» Европа предпочитает «на сытый желудок». В условиях же экономического кризиса приоритеты начинают выглядеть несколько по-иному и потеря огромного иранского рынка, емкость которого для Великобритании и ЕС оценивается в сумму от 40 до 60 миллиардов долларов, больно бьет по бюджетам и государствам, и корпораций. В этих условиях Лондон готов частично отказаться от жестких требований к Тегерану и снизить накал иранофобии.

Кроме того, в Великобритании вполне справедливо считают, что безоглядная опора в ближневосточных делах только и исключительно на суннитские монархии и Израиль является серьезной ошибкой, поскольку нарушает принцип «не складывать все яйца в одну корзину». Но все политические резоны отступают перед резонами экономическими, точнее — перед планом Кэмерона по вовлечению финансов и экономик мусульманских стран и стран Юго-Восточной Азии в дело «восстановления экономики Великобритании». Заявка на реализацию этого проекта была сделана им в конце октября этого года на 9-м Всемирном исламском экономическом форуме, прошедшем под девизом «Меняющийся мир, новые взаимоотношения», который впервые проводился в неисламской стране. На данное мероприятие в Лондон съехалось рекордное число участников — 2 700 делегатов из 128 государств мира. Темпы роста исламских финансов уже сейчас на 50% превышают рост традиционных банковских услуг. Так называемые «исламские окна» в настоящее время открыты в 110 банках мира, причем 20 из них находятся в Великобритании. Согласно прогнозам британцев, глобальные исламские инвестиции к 2014 году превысят цифру в 1,3 триллиона долларов. И, разумеется, Лондону очень хотелось бы, чтобы значительная часть этих исламских инвестиций шла в Великобританию.

Без нормализации отношений с Ираном, без экспансии на огромный энергетический и потребительский рынок Исламской Республики реализовать данный план Британии будет сложно. А потому политика уступает экономическим интересам, что и демонстрирует нам британская дипломатия. Экономический прагматизм Кэмерона подтвердил и его недавний визит в Китай, в ходе которого стороны заключили соглашение о беспрепятственном приобретении китайскими корпорациями акций британских компаний, работающих в сфере ядерной энергетики. Только снижение Великобританией экспортных тарифов на транспортные средства, фармацевтические препараты и электротовары, поставляемые в Китай, дает британским экспортерам только за счет роста объемов 600 миллионов фунтов дополнительно прибыли в год. Аналогичную схему правительство Кэмерона хотело бы реализовать и в Иране. Возможности дополнительно прибыли для британских экспортеров здесь даже выше. Да и прогнозируемые 150 миллионов фунтов ежегодно только на таможенных сборах от торговли с Ираном — совсем неплохой «подарок» бюджету Великобритании.

Британская дипломатия основывается на исключительно прагматичных позициях, которые на протяжении нескольких веков обеспечивали Лон-

дону господство в мире. Обратной стороной этого прагматизма является потрясающий инстинкт политического самосохранения, благодаря которому британская политическая элита научилась «гасить» серьезные угрозы и кризисы еще на ранних их стадиях. Эти прагматизм и потрясающее политические чутье позволили Лондону раньше других стран увидеть перспективы, открывающиеся в случае нормализации отношений Ирана с Западом. В длинной очереди западных инвесторов и предпринимателей за лакомый кусок иранского пирога, Лондон сегодня стремится быть первым, получить максимум финансовых и экономических преференции, стать главным координатором деловых отношений Запада, в том числе США с Ираном.

***

Британские «шаги навстречу» Ирану — это не только согласованный с администрацией Обамы шаг, но и результат определенного консенсуса европейских элит, озабоченных дестабилизацией Ближнего Востока и несущих значительные экономические издержки от американо-иранского противостояния. Инициативы Хейга и Кэмерона служат свидетельством того, что Европа сегодня видит Иран, во-первых, как активного участника ближневосточного регулирования. Во-вторых, как экономического партнера, сотрудничество с которым может стать своеобразным «лекарством» от экономического кризиса. Естественно, что политические отношения при этом будут развиваться гораздо медленнее, а о дружественных отношениях вообще говорить сегодня не приходится. Лондон, предлагая Тегерану «пряник» в виде содействия в снятии санкций, расширения финансового и экономического сотрудничества, одновременно оставляет за собою и «кнут» в виде претензий и общей настороженности по отношению к «иранскому ядерному досье». Такая вот циничная и вместе с тем филигранная политическая игра вполне соответствует духу и природе британской дипломатии.

Михаил Агаджанян

Газопровод Иран — Ирак — Сирия

Первые шаги по реализации Женевского соглашения от 24 ноября демонстрируют взаимный настрой сторон на восстановление отношений и связей. В этом Тегерану и политическим столицам Запада может оказать неоценимую услугу реанимация масштабных проектов в энергетической сфере, которые были заморожены в период действия санкций против Исламской Республики. В ряду подобных проектов с отчетливым геополитическим стержнем особо выделяется строительство газопровода Иран — Ирак — Сирия. Он предполагает выход иранского газа через Средиземное море на рынок энергопотребления Европы.

Иран стремится сделать заявку на освоение новых для него рынков потребления газа. В числе которых особой привлекательностью отличается продолжающая оставаться платежеспособной Европа. Тем более что по оценке министра нефти Ирана Бижана Зангене в глобальной энергетической корзине доля газа увеличится до 26% к 2035 году. При этом им была отмечена тенденция снижения стоимости природного газа, которая связана с успехами в разработке сланцевых месторождений. Впрочем, извлечение сланцевого газа остается весьма затратным, и продвинутые технологии в этой сфере еще долгое время будут диковинкой для Ближнего и Среднего Востока. Здесь предпочтение в ближайшие несколько лет и, возможно, десятилетия будет продолжать отдаваться традиционным способам добычи газа. Что самым благоприятным образом отражается на ценовой конкурентоспособности этого ресурса при его поставках на внешние рынки.

Как известно, нынешний экспорт иранского газа не отличается внушительными объемами, если сравнивать, например, с экспортными возможностями России. Но выгодное географическое расположение Ирана в ближневосточном регионе, а также перспектива привлечения крупных инвестиций Запада делают Исламскую Республику весьма привлекательной для составления долгосрочных планов в сфере поставок газа. Позволим себе предположить новый всплеск внимания к газовой отрасли Ирана со стороны Запада. Что, впрочем, нисколько не умаляет предполагаемый интерес основных мировых импортеров нефти к этому стратегическому энергоресурсу Ирана. Представители последнего уже озвучили цели восстановить экспортный потенциал нефтяной отрасли страны до прежних высоких показателей — 4 млн баррелей в день.

Газопровод с геополитической перспективой

Проект «Nabucco», на отдельных этапах экспертного обсуждения которого роль Ирана в качестве одного из главных заполнителей трубопровода представлялась ключевой, не будет воссоздан в своем первоначальном виде. Ему на смену может придти проект газопровода Иран — Ирак — Сирия. Трехсторонний меморандум о его строительстве был подписан в иранском Бусхере 25 июня 2011 года. Трубопровод с проектной мощностью 110 млн куб. м газа в сутки или 40 млрд куб. м ежегодно планировалось ввести в строй до 2016 года. Конфликт в Сирии не позволил приступить к его осуществлению на практике. В свете нынешней конъюнктуры ближневосточных процессов данный проект кажется абсолютно нереализуемым. Причем дело не только в отсутствии быстрых решений в сирийском конфликте, без которых прокладка трубы невыполнима. Для региональных оппонентов Ирана на Ближнем Востоке в зоне Персидского залива проект тесно ассоциируется с планами Тегерана выстроить с помощью газопровода «шиитскую дугу». Всякий раз при всплытии темы газопровода Иран — Ирак — Сирия на это обращается особое внимание. Российские исследователи подметили примечательный факт. Мятеж в Сирии стал разрастаться два года назад почти синхронно с подписанием меморандума о строительстве газопровода. Аравийские монархии незамедлительно занесли проект в неугодные для своих интересов в регионе. Ими к планируемому трубопроводу был приклеен ярлык «шиитской газовой магистрали». Американские аналитики также отмечают настороженность некоторых крупных ближневосточных игроков из суннитского лагеря по поводу создания «шиитской дуги». Несмотря на то, что видные специалисты США по Ближнему Востоку акцентируют заметную открытость Вашингтона к учету интересов Тегерана в регионе, тем не менее, они констатируют все возрастающие страхи Турции и других ближневосточных стран в связи с возможным «шиитским альянсом».

Растущая у арабских монархий Персидского залива и Турции настороженность по поводу сдвига в отношениях Запада и Ирана не останавливает эту страну от активных действий. В этой связи особо выделяется настрой нового кабинета министров Ирана во главе с Хасаном Роухани на улучшение отношений в первую очередь с соседями по Персидскому заливу. Так, в начале этого месяца стартовало региональное турне министра иностранных дел Ирана Джавада Зарифа с посещением Кувейта, Омана, Катара и ОАЭ. Иран планирует экспортировать газ не только в ближний к нему географически и политически Ирак, но и в ОАЭ и Оман. Этот проект становится более актуальным на фоне некоторой заминки в продвижении другого проекта, газопровода Иран — Пакистан — Индия. Хотя, специалисты отмечают, что, похоже, заминка сменилась на интенсивную работу сторон по нахождению взаимоустраивающих развязок. В этой связи, примечательно, что в начале ноября между Тегераном и Исламабадом достигнута договоренность об ускорении процесса переговоров по строительству газопровода, выработать соответствующую «дорожную карту» и на ее основе определить более реалистичные сроки реализации проекта.

Тем не менее, газовый проект Иран — Ирак — Сирия нуждается в пристальном рассмотрении. При всей кажущейся в настоящее время его нецелесообразности, он выглядит перспективным с позиций усиления элементов взаимного сближения США и Ирана, Европы и Ирана. Ближится созыв

мирной конференции по Сирии «Женева — 2». Сроки ее проведения во второй половине января 2014 года могут совпасть с новыми признаками оздоровления экономических связей Запада с Ираном. Если к этому времени удастся выйти на некие подвижки в вопросе привлекательности газового проекта Иран — Ирак — Сирия, то отношения бывших непримиримых оппонентов приобретут еще большую устойчивость.

В обход Турции

Газопровод из иранской части месторождения «Южный Парс» к сирийскому берегу Средиземного моря обойдет стороной Турцию. В таком обходе в равной мере заинтересованы США, ЕС и Иран. Турция уже получила доминирующие позиции в транзите газа с каспийского шельфа Азербайджана в Европу. Делать Турцию транзитной доминантой и для ближневосточного газа в Старый Свет — не представляется целесообразным Западу по ряду причин. Среди них можно отметить следующие. Европа не готова взять на себя обязательства по принятию Турции в ЕС. Она не намерена предоставлять турецкой стороне дополнительные козыри в долгой игре вокруг европейской интеграции мусульманской страны с 75-миллионным населением, рядом нерешенных внутренних проблем и конфликтов с соседями. Каждая крупная страна ЕС в предстоящие годы будет тяготеть к построению прямых экономических связей с Ираном. Передаточные звенья, некие посредники в этом вопросе не с руки ни Лондону, ни Берлину, ни Парижу. Что касается Вашингтона, то он тем более привержен ведению самодостаточной игры. Если американцы все последние годы, практически с начала первого президентского срока нынешнего хозяина Белого дома, шаг за шагом выстраивали прямой контакт с Ираном, при этом не особо оглядываясь даже на Израиль, то в отношении Турции у сверхдержавы вообще не наблюдается внешнеполитических «комплексов». Турция нужна Западу в качестве послушного проводника его интересов на Ближнем Востоке, но отнюдь не в роли гиперактивного игрока с амбициями лидера.

Иран также не заинтересован в ориентации на транзитную роль Турции по поставкам газа в западном направлении. Зачем усиливать страну-члена НАТО, которая заняла по отношению к союзнику Ирана в Сирии самую жесткую конфронтационную позицию, задаются резонным вопросом в Тегеране. Турция должна и будет довольствоваться ролью крупного импортера иранского газа. Но сугубо для ее внутренних нужд, без занятия важных позиций в деле перспективного транзита иранского энергоресурса на европейский рынок. В октябре министр энергетики Турции Танер Йылдыз заявил, что его страна закупает у Ирана ежегодно 10 млрд кубометров трубопроводного газа и могла бы увеличить этот объем, если такая возможность ей предоставится.

Планы Ираны ограничить возможности Турции в качестве главного энергетического хаба на Ближнем Востоке можно проследить на примере фактического замораживания доступа турецкого капитала к освоению трех фаз на месторождении «Южный Парс». В 2007 году Иран подписал с Турцией меморандум о намерениях, предусматривающий участие турецких компаний в разработке газового месторождения «Южный Парс» (22, 23 и 24 фазы), а также строительство нового газопровода протяженностью около 2 тыс. км.

Дальше заключения ирано-турецкого меморандума в этом вопросе дело так и не сдвинулось. Здесь, как справедливо намекают некоторые специалисты, причиной тому не только введенный Западом режим односторонних санкций, серьезно игнорировать который Анкара никогда не решалась. Запасы «Южного Парса» иранская сторона весьма дальновидно сохранила для более важных целей на Ближнем Востоке и в отношениях с Западом, чем способствование укреплению в регионе транзитной роли Турции.

Направление — строго на Ирак

Турция вступила в плотный «нефтегазовый диалог» с курдскими властями на севере Ирака. Это продолжает вызывать негодование Багдада, настаивающего на том, что при налаживании прямых экономических отношений с внешним миром Эрбиль должен соизмеряться с интересами центрального правительства Ирака. В этом споре Иран занял сторону Багдада. Хотя, по понятным причинам, в иранской официальной риторике этот факт особо не афишируется. Но иного решения от Тегерана было трудно ожидать. Иракское правительство Нури аль-Малики, другие силы в соседней стране, стоящие на позициях поддержания целостности одного из крупнейших государств арабского мира, испытывают неподдельный интерес к развитию связей с Исламской Республикой. В том числе, и в вопросе продвижения совместных энергетических проектов.

Иран и Ирак еще минувшим летом, то есть до «женевского прорыва», достигли новых соглашений в газовой сфере. Был подписан контракт по импорту Багдадом иранского газа для местных электростанций, расположенных в центральной части страны. Планируются ежедневные поставки газа в объеме более 24 млн кубометров. В октябре стороны заявили о намерении расширить сотрудничество, подписав новое соглашение по поставкам иранского газа уже для расположенных на юге Ирака электростанций. Таким образом, вопрос прокладки газопровода Иран — Ирак — Сирия начинает обретать свою динамику. Правда, на нынешнем этапе исключительно с вовлечением двух из трех потенциальных участников проекта. В перспективе можно ожидать новые совместные шаги Тегерана и Багдада в вопросе продвижения идеи транспортировки иранского газа на европейский рынок.

У России не должно быть поводов для беспокойства

Интерес России к участию в проекте строительства газопровода пока мало выражен. Поверхностный взгляд на вопрос указывает, что для позиций «Газпрома» на европейском рынке реализация проекта может создать трудности. Хотя в Москве объективно оценивают ситуацию и не видят в Иране серьезного конкурента на ближайшие годы. Гендиректор компании «Газпром экспорт» Александр Медведев на днях отметил малую вероятность поставок иранского газа на европейский рынок. По его словам, потребление природного газа внутри Ирана за последние десять лет выросло вдвое: с 71 млрд куб. м в 2002 году до 140 млрд куб. м в 2012-м. Это говорит о том, что Иран, как и страны Ближнего Востока, стремительно увеличивает внутреннее потребление газа, сокращая потенциал экспортных возможностей. Если вывести за скобки интересы России сохранить нынешние сильные позиции

на европейском рынке потребления газа, то можно обнаружить внешнеполитические стимулы для Москвы позитивно отнестись к трубопроводному проекту Иран — Ирак — Сирия, прежде всего, связанные с установлением новых элементов стабильности на пространстве конфликтогенного региона.

***

Параллельно линии прохождения газопровода Иран — Ирак — Сирия в будущем будут формироваться факторы региональной стабильности, поддержания баланса интересов между двумя основными полюсами сил. К ним следует отнести Саудовскую Аравию, ее партнеров по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива и Иран, Ирак, Сирию, а также тяготеющую к «шиитской дуге» часть политического спектра Ливана. Шансы на реализацию проекта газопровода из Ирана к Средиземному морю могут резко возрасти при двух важных условиях. Первое — последовательное выполнение сторонами Женевских соглашений от 24 ноября своих обязательств, после чего возможен переход весной будущего года от формата рамочного соглашения к заключению всеобъемлющего соглашения по урегулированию отношений Запада и Ирана. Вплоть до установления полноформатных дипломатических отношений, обмена дипмиссиями и торговыми представительствами. Второе условие заключается в привлечении Ирана к работе мирной конференции по Сирии, старт которой намечен на 22 января 2014 года. Это станет лучшим индикатором зарождения доверительности в отношениях западных держав и Ирана.

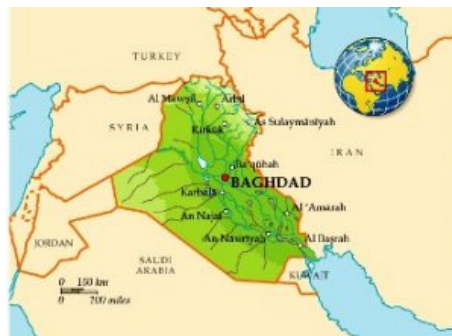
Владимир Ефимов

Битва за Ирак

В связи с предстоящими 30 апреля 2014 года парламентскими выборами в Ираке, после которых станет ясно, останется ли у власти нынешний премьер-министр Нури аль-Малики с его коалицией шиитских партий и движений, либо его сменит другой шиитский деятель, настроенный более про-ирански, но одновременно более позитивно относящийся к примирению с суннитами. В этих условиях развивается острая политическая борьба не только внутри самого Ирака, но и вокруг него, а главное — соперничество региональных и мировых сил за влияние в этой богатейшей запасами нефти стране.

Главными игроками в этой борьбе за Ирак на ведущих ролях выступают в первую очередь Иран, Турция, Саудовская Аравия и США, чуть дальше стоят Россия, Китай, Катар. Ясно, что их целью являются не только экономические возможности страны, включая выгодные контракты на развитие нефтяной и газовой отрасли, но также восстановление иракской экономики в целом, особенно ее электроэнергетики, системы водоснабжения, транспортной инфраструктуры и промышленности, и ее политический курс, исходя из важности геополитического положения государства. Кроме того, можно неплохо заработать и на перевооружении и модернизации иракской армии, и ее сил безопасности, особенно с учетом того, что исходя из нестабильности внутри Ирака, выделяются и будут выделяться крупные ассигнования на закупку вооружения, в том числе для подавления отрядов суннитского сопротивления и террористических группировок.

Пока что наиболее «продвинутые» позиции в Ираке имеет Иран. Ведь в свое время президент Буш младший оказал великую услугу Ирану — свергая режим Саддама Хусейна, опиравшегося на суннитское меньшинство, Вашингтон создал все условия для того, чтобы в ходе относительно демократических выборов к власти пришли шииты, объединенные в основном в проиранские партии и движения. То есть Буш фактически сделал работу за Тегеран, где давно мечтали о свержении ненавистного багдадского диктатора, развязавшего кровавую 8-летнюю войну против Ирана в самый сложный момент становления Исламской республики. И так получилось, что большинство шиитских оппозиционных Саддаму организаций получили пристанище в Тегеране, открыв там свои штаб-квартиры и ведя с иранской территории вооруженную борьбу против иракского режима. Это в первую очередь были Высший совет исламской революции Ирака (ВСИРИ) во главе с родом Хакимов и партия «Даава» во главе с Джаафари и его за-

местителем Нури аль-Малики — нынешним иракским премьером. Поэтому они обязаны ИРИ тем, что смогли сохранить свою структуру и основной кадровый костяк, что позволило им быстро развернуться в стране после оккупации Ирака коалицией во главе с США. К ним же можно отнести и движение Муктады Садра с ее армией Махди, которое является мощным военизированным политическим движением радикального толка, имеющим тесные связи с Ираном и пользующегося огромным влиянием в южных провинциях Ирака, включая их оплот — Басру, второй по величине город страны.

В основном они то и создали коалицию, которая стала правящей и еще более окрепла после вывода американских войск. Причем и здесь не обошлось без серьезной политической поддержки Тегерана, который понимал, что вакуум, возникший после американского ухода, может быть заполнен другими крупными региональными игроками, прежде всего Саудовской Аравией и Турцией. И, следует признать, иранцы сыграли весьма умело,

Иранцы сыграли весьма умело, опередив на корпус конкурентов и создав прочные связи с нынешними властями Багдада

опередив на корпус конкурентов и создав прочные связи с нынешними властями Багдада. И, как бы ни пытался сейчас Нури аль-Малики хоть как-то ослабить свою зависимость от ИРИ, почувствовав вкус власти и возможности выступать самостоятельно, Тегеран не позволяет ему отрываться слишком далеко, используя в качестве рычагов воздействия на иракского премьера сторонников ВСИРИ и движения Муктады Садра, без которых правящая коалиция шиитских партий превратилась бы в союз меньшинства. Тем более что некоторые шиитские политические организации ради сохранения единства страны стали выступать

за установление равноправных отношений с суннитами и их активное вовлечение во властные структуры страны. Но здесь аль-Малики оказался довольно жестким, прибегая даже к диктаторским методам и репрессиям против суннитов, тем самым совершив ошибку и осложнив процесс возможного внутрииракского примирения. Конечно, в Тегеране поступили бы мудрее, если бы подтолкнули иракского премьера к переговорам с суннитскими партиями, готовыми взаимодействовать с шиитскими движениями на равных условиях ради единства Ирака, но почему-то не стали этого делать. Скорее всего — по инерции, из-за стереотипа образа врага укоренившегося в сознании шиитов за долгие годы правления суннитского меньшинства, т. е. из исторической неприязни к суннитскому режиму в Багдаде во времена Саддама, а также из опасения, что суннитские партии могут войти в систему государственной власти по «заказу» Саудовской Аравии и других аравийских монархий, видящих в ИРИ соперника в Персидском заливе, а не потенциального партнера по системе региональной безопасности без участия в ней держав извне, то есть прежде всего США.

В этих условиях еще менее разумно повели себя Саудовская Аравия, а также Кувейт, Катар и ОАЭ. Они стали не только разжигать конфессиональную рознь между суннитами и шиитами, но и приступили к подстрекательству суннитских партий на вооруженную борьбу против законного правительства Ирака. В западную провинцию Аль-Анбар щедрым потоком потекли огромные финансовые ресурсы ваххабитских режимов на вооружение отрядов

суннитского сопротивления и даже террористических и радикально-экстремистских группировок. Последние особенно активно получили поддержку в Дохе, которая особенно и не скрывала того, что готова финансировать самых ярых суннитских исламистов, вплоть до структур, близких к Аль-Каиде, лишь бы не допустить мира в Ираке при шиитах. По своей наивности саудовцы и катарцы, видимо, решили, что их гигантские нефтяные и газовые доллары смогут восстановить власть суннитского меньшинства в Багдаде. И это при том, что почти 2/3 населения Ирака — это арабы-шииты.

В результате — новые кровопролитные столкновения на конфессиональной основе и волна террористических актов, когда суннитские боевики не только совершают покушения на деятелей режима, но и стали вырезать целиком шиитские семьи, не жалея женщин и детей. Популярным видом терактов стали взрывы похоронных шиитских процессий в мечетях, что приводит к гибели сразу десятков людей. Причем для усиления отрядов суннитских боевиков недалёковидные саудовцы и катарцы даже пошли на то, чтобы направлять в Ирак своих офицеров, предварительно увольняя их с военной службы. Они стали командирами либо инструкторами в суннитских вооруженных формированиях. Щедро льется помощь и из частных исламских благотворительных фондов, в том числе тесно связанных с правящими династиями в аравийских монархиях. А по мере того, как иракские шииты стали активно помогать сирийскому режиму Башара Асада в подавлении вооруженного мятежа, поднятого на деньги все тех же Саудовской Аравии и Катар, ненависть Эр-Рияда и Дохи к Багдаду еще больше возросла. Ведь ваххабиты прекрасно понимают, что ось Дамаск — Багдад — Тегеран значительно сильнее регионального альянса Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ) и в состоянии подорвать позиции арабских реакционных монархий Аравии на Ближнем и Среднем Востоке, завоеванных в результате «цветных» революций в арабском мире.

Несколько иначе выглядит роль Турции в иракских делах. Оставаясь на стороне суннитов, Анкара старается тем не менее не лезть в вооруженный конфликт между шиитами и суннитами. Для турок главное — не допустить провозглашения независимого курдского государства в Северном Ираке, где только в иракском Курдистане компактно проживают более 5 млн курдов. Кроме того, турецкие фирмы ведут самый активный бизнес в Ираке, в том числе в южных шиитских провинциях, получая от этого огромные дивиденды. Правда, иногда и в Анкаре совершают ошибки на ровном месте, к примеру, предоставляя опальным суннитским деятелям, которые раньше были частью нынешнего правящего режима, типа бывшего вице-президента Аль-Хашими, политическое убежище. Это приводит к массовым антитурецким демонстрациям, особенно на юге страны, где шииты громят офисы турецких компаний и угрожают заблокировать их дальнейшую работу.

Что касается США, то их роль все еще остается достаточно серьезной в иракских делах, хотя серьезно соперничать с Ираном Вашингтон уже не может. Американцы проиграли иранцам битву за Ирак. С каждым днем, хотя бы они этого или нет, все больше и больше возвышается величие Ирана как суперрегиональной державы. И реальность такова, что с этим никто ничего уже сделать не сможет. Конечно, если в Ираке начнется новая гражданская война, американцы могут временно направить туда несколько десятков тысяч военных, дислоцированных в основном в Кувейте, но лишь для обеспе-

чения безопасности и эвакуации американских граждан. Но оставаться там долго они уже не смогут, иначе в дело может вмешаться иранский корпус стражей исламской революции (КСИР), который не потерпит вторичной оккупации Ирака, а тем более свержение дружественного Тегерану режима аль-Малики и уменьшения политической роли шиитов в стране. А США не готовы, да и не способны выдержать военную конфронтацию с сильным Ираном в Ираке. Силы у Вашингтона уже не те, да и тенденция к сближению с Тегераном на базе последних женеvских договоренностей по ядерной программе ИРИ в корне изменили общую геополитическую ситуацию в регионе и вокруг Ирана, эти договоренности обязывают не только США, но и весь мир относится к Ирану совершенно по-другому. Для Обамы важнее и дальше улучшать отношения с ИРИ, нежели идти на конфронтацию из-за Ирака, хотя Саудовская Аравия и Израиль активно подзуживают к этому, используя своих все еще очень мощных лоббистов в США.

Одним словом, скорее, следует ожидать дальнейшего укрепления власти нынешнего премьера Ирака, в том числе и его очередной победы на предстоящих выборах, а также продолжения процесса формирования оси Багдад — Тегеран, включая его военно-политическую составляющую, которая будет постепенно уменьшать влияние ССАГПЗ в регионе. А это играет на руку и России, которая постепенно восстанавливает свое экономическое присутствие в Ираке и готова к расширению взаимодействия с Ираном, после Женевы, практически во всех сферах.

К визиту Сергея Лаврова в Тегеран

Визит российского министра иностранных дел Сергея Лаврова в Тегеран имеет огромное значение не только для ирано-российских отношений. Целый ряд нюансов, возникших после достижения женеvских соглашений, диктуют нашим странам необходимость срочных двусторонних консультаций и уточнения совместных позиций по ряду важнейших региональных и международных вопросов. Стремление получить от иранского руководства дополнительные личные гарантии того, что Исламская Республика намерена неукоснительно соблюдать обязательства, взятые на себя в Женеве — прекрасный повод для визита.

Россия более чем заинтересована в продолжении и развитии женеvского процесса, ведь достижение ноябрьских договоренностей, как, собственно, и основные принципы, на которых данные договоренности формулировались — это серьезный успех российской дипломатии. 2013-й год вообще стал одним из наиболее блестящих для внешней политики нашей страны — ликвидация угрозы агрессии в Сирии, перелом ситуации на Украине, выбор Арменией Таможенного Союза, и, наконец, «прорыв в Женеве» — вот далеко не полный перечень успехов Москвы на внешнеполитической арене, особенно заметных на фоне проколов Запада.

О пользе традиций во внешней политике

Администрация Обамы так и не смогла выработать внятной концепции американского присутствия в регионе, изменившемся после вторжения в Ирак и «арабской весны». Те действия США, которые мы наблюдаем сейчас в регионе — это не проведение какой-либо внешнеполитической концепции, а работа в режиме «хватай мешки — вокзал отходит», когда попросту нет времени объяснять свою мотивацию стратегическим партнерам, Эр-Рияду и Тель-Авиву, добиваться их согласия и скоординированных действий. В результате — уровень антиамериканизма растет везде, не только на «улице», но и во властных верхах, пропорционально падает и доверие к Вашингтону.

А вот доверие к России, с ее «традиционными ценностями» во внешней политике, которые поливали грязью и либеральное крыло внутри страны, и за рубежом — наоборот, возрастает. Российские «традиционные ценности» во внешней политике, такие как главенство суверенитета в международных отношениях, отстаивание норм международного права и международных приличий, противостояние «праву сильного», «гуманитарным интервенциям» и «экспорту демократии» — оказались необычайно привлекательными

для Ближнего Востока. Сочетание жесткости позиций Путина и дипломатического маневра Лаврова раз за разом оказывается источником международного влияния России и ведет к росту ее престижа в регионе.

Виртуозная «сирийская партия» с предложением о ликвидации сирийского химического оружия, реализация принципа «поэтапности и взаимности» в ходе женевского процесса по иранскому ядерному досье, безукоризненно выстроенные диалоги с Анкарой, Эр-Риядом и Каиром — все это позволяет России без излишнего шума и без особых затрат внешнеполитического потенциала занимать те ниши на Ближнем Востоке, которые «упускают» США. На фоне всего происходящего, в процессе нашего тихого возвращения на Восток, партнерство с Ираном приобретает особый, системообразующий характер, формирует новую карту ближневосточных политических реалий, а потому — требует постоянного диалога и координации на качественно новом уровне.

Двусторонняя прозрачность и «подводные камни» сближения

Но начало такого диалога предполагает определенную «прозрачность намерений», причем — и Москвы, и Тегерана. Наивно было бы предполагать, что в обеих столицах нет серьезных и обоснованных опасений по поводу того, насколько устойчивым и непрерывным будет подобный диалог. Если в самом Иране звучат серьезные опасения в связи с «прозападным курсом» кабинета Роухани, излишней, по мнению целого ряда влиятельных представителей иранских политических элит, уступчивости в Женеве, когда, по их мнению, Запад получил все, а взамен отделался лишь обещаниями об ослаблении санкционного режима — то уж тем более подобные опасения присутствуют в Москве.

Одна из основных задач, которая стоит сегодня перед Роухани заключается в срочной отмене «калечащих санкций», скорейшей ликвидации их последствий для экономики Ирана

Одна из основных задач, которая стоит сегодня перед Роухани заключается в срочной отмене «калечащих санкций», скорейшей ликвидации их последствий для экономики Ирана. На сегодня макро- и микроэкономических вопросов в стране накопилось в огромном количестве. Самое простое лекарство для них на первый взгляд — внешние заимствования. Здесь-то и предостерегает Тегеран первая опасность — Запад в виде финансовых вливаний и современных технологии готовит для него железный капкан. Москва опасается, что Тегеран, пребывающий в некоторой эйфории от успехов на международной арене, может выбрать именно это «лекарство» и таким образом попадет в твердую удавку Запада.

Да, впоследствии, как это бывало уже не раз и в других странах, и в том числе — в самой Исламской Республике в период президентства Мохаммада Хатами, выяснится, что лекарство это хуже любой болезни. Но для России шанс будет упущен, а «накачанный» западными финансами и технологиями Иран «уйдет» к Западу, встроится в западную архитектуру «безопасности»

и Ближнего Востока, и Центральной Азии. В этом случае и присутствие НАТО на Каспии, и «Новый Шелковый путь» вполне могут стать реальностью.

С другой стороны и Тегеран вполне обоснованно опасается того, что Москва может свернуть диалог. И свернуть его даже не столько под давлением Запада, поскольку прямое давление Вашингтона и ЕС, как правило, в последний год стало приводить к прямо противоположным результатам, а в результате титанических усилий прозападного и произраильского лобби в российских политических и бизнес-элитах. Получившего, кстати, сигнал о мобилизации в ходе недавнего визита в Москву израильского премьера Биньямина Нетаньяху.

Саботаж попыток российско-иранского сближения со стороны близких к российскому правительству политических, финансовых и экспертных кругов — вполне очевидный факт, доказывать который даже нет необходимости. Мощь прозападного и произраильского лобби, контролирующего, по сути, российское медиа-пространство, помноженная на святую веру «сливок» экспертных и околоправительственных кругов в то, что «солнце всходит на Западе», соединяющаяся с потрясающим невежеством в вопросах экономического и общественного устройства Востока и искусно разжигаемой исламофобией — это сила, способная сорвать любой диалог с Исламской Республикой. И реальные возможности этой силы Тегеран оценивает вполне адекватно.

Отсюда — вполне очевидно, что сверхзадачей Сергея Лаврова в ходе предстоящего визита будет с одной стороны — откровенно и честно объяснить Тегерану, что сближение России и Ирана не может произойти без «расчистки подводных камней». А с другой — опираясь на собственную интуицию и политическое чутье, самому понять, насколько обосновано мнение о «прозападных симпатиях» Хасана Роухани и его команды. Решение этой «сверхзадачи» будет проходить на фоне жесткого сопротивления внешних и внутренних сил. Конечно же, успехов российско-иранскому диалогу не желает и Запад, для которого эти успехи обернутся дополнительной проблемой в ЕвроПРО. Успешность диалога Тегерана и Москвы похоронным маршем прозвучит для антисирийской коалиции и для готовящейся агрессии Израиля в Ливан. Успешность диалога повлечет укрепление позиций Ирана на международной арене и авторитета кабинета Роухани внутри страны, а этому обстоятельству, что совершенно понятно, рады далеко не все.

Политическое партнерство через экономические проекты

Утверждение о том, что совместное созидание — лучшее лекарство от недоверия столь же справедливо, как и прогноз о том, что в случае нормализации вопроса с иранским ядерным досье в Тегеран выстроится очередь западных инвесторов и промышленников. Сегодня гостиницы Тегерана переполнены представителями деловых кругов Запада и Востока, с каждым днем высаживаются новый и новый десант из числа бизнес элит, у которых, как известно, особый нюх на новенького. Баланс между «спросом и предложением» экономических проектов Тегерану явно нарушен, ведь не слу-

чайно в минувшую пятницу Конгресс США, обеспокоенный «резвостью» европейских промышленных кругов в отношении Ирана официально предостерег их от активизации контактов, напомнив, что режим санкций все еще продолжает действовать. Можно было бы поиронизировать на тему заткания щелей в плотине с зияющими дырами, но на самом деле подобная несговорчивость Конгресса открывает для России коридор возможностей в тех сферах, где наши конкурентные преимущества перед Западом еще сохранились. Ядерная энергетика и военно-техническое сотрудничество — те самые «российские козыри», которыми будет оперировать в том числе на переговорах Сергей Лавров.

«Козыри» действительно сильные, и при умелом использовании вполне могут обернуться существенными экономическими выгодами для двух наших стран. Но если с ядерной энергетикой, а точнее — со строительством дополнительных реакторов на площадке Бушерской АЭС более или менее все ясно, имеются предварительные договоренности на новый контракт, стоимостью в более десяти миллиардов долларов, то вот в вопросе ВТС существуют нюансы. И касается это в первую очередь того, что в условиях режима «калечащих санкций» Ирану удалось создать военно-промышленный комплекс, способный осуществлять эффективную модернизацию вооружений, разработку и мелкосерийное производство новых видов оружия (в частности — беспилотников, не уступающих некоторым западным аналогам). Более того — Исламская Республика стала космической державой, что само по себе более чем убедительно характеризует ее оборонный и промышленный потенциал.

Сегодня Тегеран заинтересован не столько в приобретении военной техники, сколько в организации производства лицензионных образцов и совместных НИОКРах

Вполне естественно, что сегодня Тегеран заинтересован не столько в приобретении военной техники (хотя эта заинтересованность в определенных образцах присутствует), сколько в организации производства лицензионных образцов и совместных НИОКРах. Во-первых, Иран располагает для этого практически всей необходимой производственной базой. Во-вторых, реализуя данные программы, Иран решает столь важную для него социально-экономическую проблему, как создание новых рабочих мест. В таком контексте приобретает новую окраску и вопрос об поставках в Иран комплексов С-300. При всех выдающихся характеристиках этого комплекса, он уже не представляет собою уникальной обо-

ронительной системы, его ТТХ и способы преодоления создаваемого им заслона достаточно изучены на Западе. Поэтому для Ирана сегодня более предпочтительным именно «Антей-2500» (С-300ВМ) или же совместная, российско-иранская разработка на основе «Искандеров» (оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», по кодификации НАТО — SS-26 Stone) или «Панцирей» (самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс, по кодификации НАТО — SA-22 Greyhound).

Решив эту задачу, Россия, по сути, решает несколько интересных вопросов, причем самым выгодным образом для себя. Во-первых, заработает более миллиарда долларов почти на ровном месте, без всякой конкуренции,

что называется. Во-вторых, еще больше укрепит свое военно-политическое присутствие в этом регионе. В-третьих, вернет к себе доверие и улучшит свой имидж надежного партнера, чья позиция в вопросах военно-технического сотрудничества не зависит от конъюнктурных колебаний и от «одобления» Запада. И, наконец, избавится от сложнейшей проблемы последних лет — многомиллиардного иранского иска к России в международном арбитражном суде.

Большой Договор — настоятельная необходимость

Впрочем, ядерная энергетика и военно-техническое сотрудничество при всей их достижимости, при всей реальности миллиардных объемов, по большому счету — частности. Ряд аспектов российско-иранского диалога диктуют необходимость не столько подписания пакета соглашений по различным отраслям, сколько качественного изменения российских подходов в отношении Исламской Республики. Визит Лаврова — это, по сути, завершающий этап подготовки встречи Владимира Путина и Хасана Роухани, своего рода финальный аккорд успешных встреч и переговоров, которые провели в нынешнем году министр внутренних дел Владимир Колокольцев, главком ВВС РФ Виктор Бондарев и вице-премьер Дмитрий Рогозин.

Совместное освоение Каспия и противодействия внерегиональной экспансии в этот важнейший геополитический пункт. Координация ценовой политики в вопросах добычи и поставки на внешний рынок нефти и газа. Формирование внедолларовой зоны расчетов за энергоносители, переход на национальные валюты в торговых и финансовых расчетах между этими странами. Проблема ЕвроПРО, которая, как выясняется теперь, после турне Чака Хейгела по Ближнему Востоку, сразу же после визита в монархии Персидского залива иранского министра иностранных дел Джавада Зарифа, включает в себя и некую уже «ближневосточную составляющую». Формы взаимодействия Тегерана с единым таможенным союзом, повышение его статуса в Шанхайской организации сотрудничества и проблемы афганской наркоэкспансии, наконец. Вот далеко неполный перечень проблем, которые требуют совместной работы Москвы и Тегерана, потому как каждая из этих проблем — это прямой вызов интересам и безопасности наших стран. Собственно, круг этих вопросов составляет и повестку визита Сергея Лаврова (как явную, так и неявную), и повестку российско-иранского партнерства в целом.

И вот здесь мы подходим к главному. Наверное, формы и методы решения каждой из этих проблем можно реализовать в рамках отдельного, если можно так выразиться — «специализированного» соглашения. Но подобный путь абсолютно контрпродуктивен, а потому комплексный «Большой и Всеобъемлющий Договор» между Россией и Исламской Республикой, наподобие российско-индийского и российско-китайского Большого договора, является наиболее острой и злободневной темой двухсторонних отношений. Собственно, такой Договор выгоден не только нашим странам, но и их руководителям — Владимиру Путину и Хасану Роухани. Каждый из них в рамках работы над данным договором получает возможность консолидации определенной части политических элит внутри своих стран.

О «Большом Договоре» не говорят, и вопрос о нем официально не стоит в повестке визита Сергея Лаврова. Точно таким же образом в самые драматические моменты Женева и на закрытых консультациях перед ней не стоял и вопрос о том, что Россия, по аналогии с сирийской ситуацией, готова выступить в качестве гаранта мирного характера ядерной программы Ирана. Но сама идея «Большого Договора» все чаще всплывает в неофициальных экспертных и политических консультациях. Как и во многих других случаях, инициативы Владимира Путина и духовного лидера Ирана Али Хаменеи входят в большую политику осторожно, ненавязчиво, но — неотвратно.

***

Впрочем, есть своеобразный индикатор того, насколько близка к реальности идея «Большого Договора». В Тегеране Сергею Лаврову предстоит решить еще один, казалось бы, сугубо «протокольный» вопрос. Как известно, Хасан Роухани на саммите в Бишкеке передал Владимиру Путину приглашение посетить с официальным визитом Тегеран, на что российский президент ответил согласием. По правилам протокола это означает, что визит нанесет именно российская сторона. Но прозападное и произраильское лобби сегодня в московских властных коридорах откровенно торпедирует данную идею, настаивая на том, что именно Роухани должен приехать в Москву первым. Есть все основания полагать, что по итогам визита Сергея Лаврова в Тегеран и в этом вопросе будет внесена ясность.

Икрам Сабиров

Два мира — две политики

Сформулированное еще в советское время выражение «два мира — две политики» либеральные медиа часто приводят как пример «совковой пропаганды». Прошло не так уж и много времени — и выяснилось, что это не пропаганда, а отражение объективной реальности. Состоявшиеся практически одновременно визиты в арабские монархии Персидского Залива министра иностранных дел Ирана Джавада Зарифа и главы Пентагона Чака Хейгела продемонстрировали кардинальную разницу подходов двух государств к вопросам безопасности в регионе.

Отношениям со своими ближайшими соседями, монархиями Персидского Залива, Иран всегда придавал огромное значение. Диалог и партнерство со странами, входящими в Совет по сотрудничеству арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия — это не только возможность решать жизненно важные для Исламской республики вопросы квот добычи нефти и газа, но и проблемы ценообразования на энергоносители. «Феномен Катара», всплеск политической и информационной агрессии государства, которое раньше ни в каких геополитических играх не участвовало, «собственная игра Эр-Рияда», жестко критикующего нынешнюю американскую администрацию и словом, и, что важнее, «делом» в виде лидерства в антисирийской коалиции — вполне достаточное основание для Исламской республики, чтобы наладить с монархиями Залива полноценный диалог. Тем более сейчас, когда в результате женевских соглашений Запад уже не столь безоговорочно поддерживает иранофобию политических элит в этих странах.

Иранофобия как лекарство от социальной нестабильности

Собственно, после Женева буквально на наших глазах формируется новая карта политических реалий Ближнего Востока. Необходимость достижения необратимости в процессе сирийского урегулирования, планы США по созданию системы «ПерсоПРО» и становящаяся все более реальной угроза атаки Израиля на стратегического союзника Тегерана — Хезбаллу (в Ливане), диктует иранской дипломатии необходимость разработки новой внешнеполитической тактики в Заливе. Очевидно, что в ближайшее время наладить нормальный диалог с Эр-Риядом Тегерану не удастся, какие бы усилия он не предпринимал. Проблема в том, что дом Саудов слишком многое поставил на поддержание собственной гегемонии в мусульманском

мире. Династия сегодня в чем-то напоминает велосипедиста — либо она «крутит педали» эскалации напряженности и использует Иран в качестве мощного внешнего врага для сплочения королевской семьи и местных элит, либо она падает, причем не просто теряет власть, а прекращает свое существование физически.

Но что хорошо для Королевства — по-иному воспринимается в соседних монархиях. Оман и Объединенные Арабские Эмираты привыкли к той прибыли, которую они получают за посреднические услуги в «серых» торговых операциях Исламской республики и предпринимателей Запада, в обход санкционного режима. К подобной посреднической деятельности готов примкнуть и Кувейт, поскольку в ней, этой деятельности, есть и вполне осязаемая политическая выгода — добрые отношения и гарантии безопасности от региональной супердержавы, которой, вопреки всем внешним усилиям, является Иран. Поэтому тактический рисунок внешнеполитической линии Тегерана в отношении монархий выглядит просто, но от этого — еще более эффективно: добрососедство и партнерство с Оманом, ОАЭ, Кувейтом и Катаром. Ну а те уж, в свою очередь, возьмут на себя роль своеобразного «проиранского лобби» в отношениях с Эр-Риядом.

Джавад Зариф: Иран хочет открыть новую страницу в отношениях со странами Залива

По итогам своего визита Джавад Зариф написал в Твиттере: «Встречи с лидерами Кувейта, Омана, Катара продемонстрировали: того, что нас объединяет — гораздо больше, чем вопросов, в которых существуют разногласия». Действительно, при ближайшем рассмотрении противоречия между Ираном и монархиями Залива носят, если убрать «фактор США» и разжигаемую извне иранофобию, вполне устранимый характер. Ведь основная претензия к Тегерану со стороны монархий заключается в известном тезисе о том, что Иран якобы стремится к «экспорту исламской революции» в «Петролистане» и провоцирует выступления шиитов в восточных провинциях Саудовской Аравии и в Бахрейне. Аналогичным образом, как утверждается, Иран поступает и на юге Аравийского полуострова, поддерживая шиитских мятежников из йеменского движения Хути.

Тезис об исходящей от Ирана угрозе «экспорта исламской революции» не нов, он начал эксплуатироваться с первых дней создания Исламской республики. И за 35 лет ее существования доказательств «экспорта» не появилось, но для антииранской пропаганды все сгодится, даже подобная рухлядь. Более серьезен второй вопрос — о трех спорных островах Персидского залива, принадлежность которых служит источником напряженности между Ираном и Эмиратами. И в отношении этой проблемы визит Зарифа стал настоящим прорывом. Встреча Зарифа с президентом Эмиратов шейхом Халифа бен Заид Аль Нахайном, состоявшаяся во дворце с поэтичным названием «Оазис Роз», завершилась тем, что стороны согласились рассмотреть статус спорного острова Абу-Муса. И буквально через пару дней Тегеран, в качестве жеста доброй воли, передислоцировал в Иран располагавшуюся на этом острове эскадрилья штурмовиков SU-25 Frogfoot из состава авиационных сил Корпуса стражей исламской революции. Также к безусловным достижениям визита стоит отнести достигнутые договоренности с новым

эмиром Катара о том, что Доха будет поддерживать участие Тегерана в международной конференции по Сирии. Да и предварительные соглашения о более тесной координации «газовой политики» двух государств смело можно добавить в актив этой поездки Зарифа.

«Иран хочет открыть новую главу в отношениях с государствами Залива. Главу, основанную на добрососедстве, экономическом партнерстве, открытости и доверии. Иран готов предоставить любому государству гарантии невмешательства и уважения к суверенитету монархий» — говорил иранский министр в каждом государстве Залива. Столь открытая позиция, за которой стояли не просто слова, а готовность продемонстрировать политическую волю, произвели на монархов неизгладимые впечатления.

Чак Хейгел: Дипломатия с Ираном должна быть подкреплена военной мощью

Вывод об успешности визита иранского министра подтверждает и то обстоятельство, что основным лейтмотивом заявлений главы американского оборонного ведомства Чака Хейгела, которые он делал буквально следом в тех же странах, в которых до него побывал Зариф, были воинственность и разжигание иранофобии. Разумеется, главной задачей визита Хейгела являлась поддержка тех политических сил в Заливе, которые делают ставку на конфронтацию с Ираном и дальнейшее укрепление военного сотрудничества с США. Но и возможности еще больше «попугать» союзников иранской угрозой глава Пентагона не упустил: «Разговоры о том, что мы будто бы отвернулись от наших традиционных союзников, вступив в диалог с Ираном, совершенно не оправданы. США знают, как защитить своих друзей. Наш успех будет зависеть от военной мощи США и доверия наших союзников и партнеров на Ближнем Востоке».

Ставка на силу и военное сдерживание Ирана — вот основной тезис выступлений главы Пентагона. И если уж говорить о риторике «холодной войны», то заявления Хейгела — это возрождение «дипломатии канонеров». Мир движется вперед, уже состоялась Женева, но по-прежнему гарантиями интересов США и стабильности монархий в Персидском заливе служат военные самолеты, корабли, танки, артиллерия и 35 тысяч военнослужащих в регионе, сокращать число которых американцы не собираются.

Примечательно, что наиболее воинственные заявления Хейгел делал с борта десантного корабля USS Ponce (LPD-15), входящего в состав Пятого флота США, дислоцированного в Персидском заливе. В 2014 году этот корабль должен быть оборудован новой лазерной системой для защиты от малых субмарин, то есть, в первую очередь, для противостояния военно-морским силам Ирана. На борту этого корабля из уст министра обороны США прозвучали и слова о том, что усовершенствованная система ПРО предоставит противоракетный «зонтик» всем американским союзникам на Ближнем Востоке, включая арабские страны. Вполне очевидно, что система ПРО на ближнем Востоке, в Персидском Заливе, по аналогии с европейской системой называемая «ПерсоПРО», в ближайшее время станет одним из самых серьезных угроз безопасности для Ирана. А в силу того, что создание этой системы завязано на огромные финансовые потоки — идея «ПерсоПРО»

встретит самую горячую поддержку завязанных на США антииранских политических сил в Заливе. Перед нами разворачивается новый этап регионального противостояния, вполне попадающий под определение «региональной холодной войны».

Москва — фактор баланса сил и региональной безопасности

Администрация Обамы в очередной раз демонстрирует свою тактику «лжи и запутывания». Женевские соглашения дают Вашингтону максимум возможностей решения вопросов региональной безопасности, связанных с «иранским фактором», дипломатическим путем. Но лишь в том случае, если США искренне стремятся к нормализации отношений с Ираном. «ПерсоПРО» и накачка Персидского залива вооружениями никак не соотносится с американскими мирными декларациями и женевским процессом в целом.

В выборе между нормализацией отношений с Ираном, установления стабильности в регионе и прибылью от дальнейшей милитаризации Персидского залива Вашингтон качнулся ко второму варианту, оправдывая это «интересами национальной безопасности», «защитой союзников» и доходами американского ВПК. О том, что этот выбор ведет к обострению регионального противостояния, эскалации напряженности и новому витку гонки вооружений в регионе — администрация Обамы старается не замечать.

Так же, как и старается не замечать, что на новый вызов собственной безопасности Иран ответит жестко и решительно. Тем более, что сейчас, после прорыва международной изоляции отвечать ему будет проще, причем не военными, а именно политическими методами. Администрация Обамы своим неумением сказать «нет» требованиям антииранской коалиции, «ястребов» от ВПК и могущественного израильского лобби, сама толкает Ближний Восток в новый этап напряженности. И, одновременно с этим делает партнерство Москвы и Тегерана единственной возможностью сохранения баланса сил и региональной стабильности.

***

Заявления Хейгела, выдержанные в традициях этой самой «холодной войны», лишь эхо того, что говорится в США. Барак Обама пошел даже дальше собственного министра обороны. Выступая в рамках форума Сабана посвященного ближневосточной политике, американский президент решил «расставить точки» и вопреки правилам форума, который обычно проходит за закрытыми дверями, публично и под запись ответить на вопросы, которые задавал ему основатель форума, израильско-американский бизнесмен Хаим Сабан. Ключевой фразой в его ответах стало заявление о том, что «США должны вести переговоры с Ираном так же, как Рейган, в свое время с СССР». Комментарии здесь излишни. Как и излишни вопросы о том, кто на самом деле использует риторику «холодной войны» и нагнетает иранофобию.

Владимир Ефимов

О новых акцентах во внешней политике Ирана

Со времени прихода к власти в Иране Хасана Роухани еще не прошло четыре месяца, а уже можно смело говорить о появлении существенно новых акцентов и векторов внешней политики Исламской Республики. Она стала значительно более предсказуемой, прагматичной, во многом избавленной от прежней идеологической заангажированности, и направленной на достижение главной цели — обеспечение благоприятных внешних условий для быстрого экономического роста иранской экономики и модернизации общества. Хотя происходящие изменения во внешней политике Тегерана вовсе не означают смены ее принципиального курса на международной арене и отказа от прежних ценностей, союзников и партнеров.

Главным итогом прошедших месяцев стало достижение женевских договоренностей по ядерной программе ИРИ с «шестеркой» международных посредников, которые создали предпосылки для возможного снятия санкций, введенных Западом в финансово-экономической сфере, в том числе и в отношении экспорта иранской нефти. И надо сказать, иранская дипломатия сделала это весьма элегантно и без особых затруднений, используя личный богатый опыт и мягкий стиль Хасана Роухани, который в свое время сам был основным переговорщиком по ядерному досье, а также высокие профессиональные навыки министра иностранных дел Джавада Зарифа, который смог убедить «шестерку» в искренности и серьезности намерений Тегерана. Несмотря на то, что Франция, Израиль и Саудовская Аравия приложили максимум усилий для срыва женевской договоренности, Тегеран, тем не менее, одержал очень важную для себя и всего мирового сообщества победу. Теперь открыт путь к процессу отмены санкций, что позволит иранцам приступить к реализации крупных экономических проектов, которые были отложены из-за наложенных ограничений.

Одним из важнейших векторов иранского внешнеполитического курса стало довольно быстрое развитие отношений с США, от которых фактически зависит общий подход Запада в целом к Ирану. И нужно отметить, что в данном вопросе не только Хасан Роухани, который еще накануне президентских выборов в Иране начал посылать устные сигналы Вашингтону о готовности запустить «перезагрузку» отношений с США, но и президент Барак Обама созрел для этого, потерпев ряд серьезных поражений в регионе. Это и срыв планов по быстрому свержению законного правительст-

ва президента Башара Асада, и провал с авантюрой в Ираке, заставивший американцев вывести свои войска из этой страны, и деградация ситуации в Афганистане на фоне начавшегося вывода оттуда натовского военного контингента, и не оправдавшая себя ставка на Саудовскую Аравию и Катар (в Катаре еще в июне с.г. Вашингтону пришлось даже пойти на смену эмира и его премьер-министра, заигравшихся с арабскими «революциями»), череда смен власти в Египте — главном арабском союзнике США, несостоявшаяся демократизация и вестернизация в Ливии и т.д.

На этом фоне лишь Иран оставался стабильной региональной державой, влияние которого постоянно росло. В этих условиях у Барака Обамы возникла необходимость выбора — либо продолжить ставку на ССАГПЗ во главе с дряхлеющим руководством Саудовской Аравии и экстремистов-исламистов в арабском мире, опирающихся на консервативные ваххабитские монархии Аравии, либо начать смену курса путем нормализации, а потом и сближения с Тегераном, который постепенно выходит на лидирующие позиции в полыхающем конфликтами регионе Ближнего и Среднего Востока и Персидского залива. При этом в Вашингтоне не могли не видеть, что Иран пользуется авторитетом в Закавказье, Центральной Азии, выстраивает самое активное сотрудничество с ШОС, которая превращается в серьезный противовес Западу в Азии и даже потихоньку вытесняет влияние Турции, которая погрязла во внутренних разборках и слишком глубоко втянулась в сирийский конфликт, создав проблемы у самой себя.

Отсюда возник, точнее, возродился весомый западный вектор внешней политики Ирана, призванный вернуть Тегерану его историческое место крупнейшей супердержавы этого региона, во взаимодействии с которым заинтересованы все — и мировые игроки, и региональные страны. А за США потянулись и другие их союзники по НАТО, прежде всего Великобритания. Что касается стран ЕС, то там давно ждали возможности возобновить торгово-экономические связи с этой страной, способной стать одним из крупнейших партнеров Евросоюза в регионе, учитывая, что потенциал развития экономического взаимодействия со странами ССАГПЗ практически полностью себя исчерпал. Да и охваченные волнениями арабские страны существенно сократили объемы торговли с Европой. Лишь Франция, действовавшая под давлением Саудовской Аравии и Катара некоторое время сопротивлялась общему тренду Запада, но и она вынуждена была в конечном итоге примкнуть к большинству.

Наращивая свое дипломатическое наступление, Тегеран пошел и на то, чтобы улучшить отношения с арабскими странами, прежде всего государствами Персидского залива, испорченные в свое время по их же инициативе под давлением Эр-Рияда. Именно эти цели преследовала поездка Джавада Зарифа по ОАЭ, Кувейту, Оману и Катару в начале декабря с.г., которая, по крайней мере внешне, дала ощутимые результаты. Эти 4 страны ССАГПЗ не могли игнорировать тот факт, что уже США и ЕС поменяли свое отношение к Ирану, а роль последнего в Персидском заливе стала стабилизирующей на фоне агрессивности Саудовской Аравии, которая никак не может смириться с мыслью о том, что королевству придется потесниться в этом регионе, а в спекуляции на тему подстрекательства шиитов в арабских странах на выступления против правящих режимов уже мало кто верит. Так что Эр-Рияду все равно придется рано или поздно осознать данную реальность

и не строить козни против Тегерана, как он это делает сейчас, засылая своих эмиссаров в Вашингтон и Москву. Не зря же руководитель спецслужб КСА принц Бандар Султан, приехавший на днях в Россию, опять гнул свою линию не только по Сирии, но и внушал сомнения в искренность намерений Ирана в плане своей ядерной программы. Да вот только кто ему поверит с такого рода утверждениями, зная, какую реально позицию к России занимают в Саудовской Аравии? Одно дело — слова, и совсем другое дело — в виде инвестиций в российскую экономику и допуска российских компаний на саудовский рынок. А вот последнего как раз и не наблюдается. Зато Иран готов и на деле активно выступает за развитие отношений с Россией, практически во всех сферах, в том числе высокотехнологичных.

Конечно, Москве тоже следует учитывать новые акценты во внешней политике Ирана, чтобы не оказаться в хвосте поезда. Неплохой фундамент сотрудничества, заложенный в прошлые годы, это хорошо, но он не гарантирует привилегированных и приоритетных позиций на будущее. Поэтому за Иран нужно бороться в хорошем смысле этого слова, чтобы не почивать на лаврах прошлых достижений, а двигаться вперед. Для этого есть все возможности. И сегодняшний визит главы МИД России Сергея Лаврова в Тегеран наверняка даст ощутимые результаты не только в политическом, но и торгово-экономическом плане. Тем более что женевские соглашения по ядерным делам позволяют избежать те ограничения, которые препятствовали более масштабному сотрудничеству в прошлом.

Еще один важный региональный игрок, оказавшийся в «одном окопе» с Саудовской Аравией, это Израиль. А зря. Вместо того, чтобы воспользоваться благоприятной атмосферой, созданной Хасаном Роухани, Тель-Авив начал нагнетать напряженность, распространяя слухи чуть ли не о готовности нанести удары по ядерным объектам ИРИ, причем при содействии и участии саудовского королевства. В это, конечно, мало кто поверил, но израильские эмиссары проехали повсюду, включая Москву. И все напрасно — Израиль вполне мог бы примкнуть к новой линии Запада и попытаться нащупать общую почву для снижения напряженности в отношениях с Тегераном. Это, кстати, сильно помогло бы ему, укрепило бы его позиции перед лицом исламистской угрозы со стороны арабских радикалов и экстремистов, которые вплотную приблизились к израильским границам.

И еще один важный момент. Надо отдать должное иранской дипломатии — пойдя на существенные корректировки своей внешней политики, Иран сделал это не за счет сдачи своих друзей, что часто бывает в современной практике. Принципиальная линия ИРИ на поддержку режима Башара Асада твердо продолжается, все больше укрепляется ось с Багдадом, против нынешнего правительства которого выступает все та же сила в лице Саудовской Аравии. Не следует также ожидать, что Тегеран откажется от поддержки ливанской Хизбаллы или защиты прав шиитского большинства на Бахрейне и других странах монархий, которые самым чудовищным образом ущемляются.

Но при этом можно ожидать некоторых изменений в подходах ИРИ к решению афганской проблемы, а также обострения соперничества с Турцией, которая претендует на роль ведущей державы региона и чуть ли не на создание новой Османской империи в современных политических контурах. Но Анкаре борьба за лидерство ничего не даст, а лишь лишит ее возможности

принять участие в реализации выгодных экономических проектов в Иране. Да и иранский газ, в случае строительства газопровода Иран — Ирак — Сирия — Южная Европа не пойдет по турецкой территории, тогда как газовый проект Набукко де-факто уже мертв. В этих условиях партнерство даст обеим странам больше плодов, причем позитивных, нежели соперничество. Позиция Ирана здесь известна — за сотрудничество, а Турция пока виляет хвостом, не все у нее ясно на фоне глубокого вовлечения в сирийскую авантюру, серьезных внутривнутриполитических проблем, мощного международного прозападного лобби. Пока что нет особого движения ИРИ на азиатском и центрально-азиатском направлениях, но это лишь вопрос времени. Уже сейчас ясно, что Тегеран будет максимально наращивать взаимодействие с Китаем и Индией, еще больше развивать отношения с Пакистаном.

***

При таком развитии ситуации Азия будет играть все возрастающую роль в мировых делах, постепенно отодвигая США и Европу к их естественным границам. Это неизбежный процесс, который уже происходит, и присоединение Ирана лишь ускорит его. Именно поэтому можно смело утверждать, что Тегеран будет и далее наращивать свое влияние и находиться в фокусе возрастающего внимания мировых и региональных держав. А по мере развития экономики страны и ее модернизации, а также технического перевооружения вооруженных сил, Иран наберет еще более значимый вес в мировых и региональных делах. А главное — он станет важнейшим стабилизирующим фактором на Ближнем и Среднем Востоке, как и в зоне Персидского залива, где пока что на ведущих ролях выступают США. Так что в ближайшие месяцы следует ожидать все новые и интересные ходы иранской дипломатии.

Еще один миф об иранской угрозе

Женевские соглашения по «иранскому ядерному досье», как выясняется, дали еще один, совершенно неожиданный результат. Они «пробудили к жизни» целую группу российских «титанов аналитики и исполинов геополитики», которые ныне со страниц различных изданий пророчествуют о том, что по итогам этих соглашений на Россию в скором времени обрушатся неисчислимые бедствия.

Спрос рождает предложение, и иранская тема нынче в моде. Но особенно стью меню ряда российских СМИ, которое они предлагают к столу читателя, является исключительно «жареные» блюда. И пусть оно, это жареное, слегка припахивает — не беда, лишь бы читателя проняло, ударило по мозгам, лишь бы он зачесался как от беспокойного зуда. В качестве примера — «кулинарное произведение», приготовленное на ржавом барбекю портала «Аргументы.ру» одного автора, подписавшегося Сергеем Балмасовым. Мы не сделали вывод, что автор «ни бельмеса не понимает» в политике. Мы поняли, что подобных политологов обуял просто животный страх после «иранской Женевы». Из прочитанного стало понятно, что с ним и подобными ему политологами после женевских соглашений приключилась медвежья болезнь. Дело житейское, как говорится, но больно уж на качестве «блюд» газетной кухни отражается. Что же так напугало г-на Балмасова и его «братьев по разуму»?

Внезапно проснувшиеся

«Итак, Женевские соглашения с Ираном подписаны. Главным триумфатором стал Иран, который не только избежал силовых действий со стороны Запада, но и напротив, преуспел в деле отмены экономических санкций, грозивших почти неизбежными экономическими потрясениями. И, что самое важное, приступил к легитимизации своей ядерной программы». Столь бодрящее начало статьи — великолепный коктейль из лжи и полуправды. Динамичный зачин автору совершенно необходим, поскольку он позволяет скрыть от читателя несколько простых вещей: автор статьи текста женевских соглашений не читал, с Договором о нераспространении ядерного оружия не знаком, о реальном состоянии дел в экономике Ирана не имеет ни малейшего представления. Он вообще не в курсе дискуссий «Шестерки» с Ираном за последние несколько лет.

Во-первых, легитимность иранской ядерной программы и ее соответствие Договору о нераспространении никогда не ставились под вопрос. И, во-вто-

рых, суть претензий Запада к Ирану, помимо политической составляющей, сводилась к тому, что иранская ядерная программа якобы носит военный характер. Отсюда проистекало и основное требование: сокращение, а еще лучше прекращение 20%-го обогащения урана, поскольку такой уровень обогащения является необходимым для производства ядерного оружия.

Впрочем, для Сергея Балмасова такие «мелочи» несущественны, поскольку главный вывод, который он пытается «впихнуть» читателю, заключается в том, что «Россия наряду с Израилем и Саудовской Аравией оказалась в числе основных проигравших. Бросается в глаза, что подписанный в Женеве документ не отражает ранее выдвигавшиеся Россией принципы «поэтапности и взаимности». Но в любом случае, в стратегическом плане появление у российских границ еще одной ядерной державы явно не отвечает ее интересам даже в среднесрочной перспективе». Весь мир признает, что основная логика женевских соглашений опирается именно на российское предложение о «поэтапности и взаимности», но автор почему-то не увидел отражение этого принципа в конечном документе. Более того, применяя расплывчатое выражение «ядерная держава», автор пытается нас уверить, что в «среднесрочной перспективе» Иран будет обладать ядерным оружием, потому как со всем остальным — использованием атома в мирных целях, реализацией космической программы — у Исламской Республики уже давно все в порядке.

И вот здесь возникает вопрос, которого псевдоэксперты старательно избегают. Имея соответствующую научно-техническую базу, интеллектуальные и производственные ресурсы, Иран, если бы захотел, то мог бы создать свою атомную бомбу еще в 2003–2005 годах. Однако — не создал, не захотел, а после 2003 полностью и, заметим, совершенно добровольно, прекратил исследования и разработки военной составляющей собственной атомной программы. Автор смело оставляет без работы сотни западных специалистов, разведчиков и ученых, утверждающих в официальных документах, что «ядерная программа Ирана не носит военного характера и не представляет угрозы для США и Запада». Но кто все эти люди по сравнению с российским «обозревателем»? Гнать их из Лэнгли и Пентагона на мороз мокрыми тряпками, а на их место — принять автора статьи. Но — шутки в сторону, обратная сторона этого опуса далеко не так безобидна, поскольку лукавый и двусмысленный текст лишь обертка, под которой скрывается тезис о том, что правильно американцы Россию системой ЕвроПРО окружают, она ведь против иранских ракет с ядерными боеголовками.

Кругом — труба

Хотя, по мнению автора, иранские ракеты, в «среднесрочной перспективе» встающие на боевое дежурство у российских границ — не самое страшное, далее идет совершенно иезуитское сочувствие: «России было максимально выгодно текущее сохранение положения дел, при котором Иран находился под экономическими санкциями. Теперь, когда они фактически сняты, иранское руководство намерено не только восстановить прежние темпы добычи нефти, но и нарастить их, что будет неблагоприятно сказываться на конъюнктуре цены на «черное золото», от величины которой напрямую зависит пополняемость бюджета РФ».

А то что миллионы иранских граждан в результате «калечащих санкций» (за которые проголосовала, к сожалению, и Россия) ежедневно страдают, то что США, Израиль, Запад и монархии Персидского залива хотят опустить страну в пучину хаоса и беспорядка, то что «ливийский сценарий» для Ирана обернется полномасштабной угрозой национальной безопасности России, нашего псевдоэксперта не волнует. Кстати, не так давно ряд таких «мыслителей» предлагали не препятствовать агрессии против Сирии из аналогичных соображений — агрессия, дескать, повысит цены на нефть и российский бюджет попросту озолотится. Ну, а мы все, разумеется, пальцы сотрем, нефтедоллары пересчитывая. Автор и его братья по разуму не могут даже элементарного экономического анализа сделать — пик санкций пришелся на 2010–2012 годы, ну и насколько Россия увеличила экспорт энергоресурсов за этот период? В 2012 году стоимостный объем экспорта составил 188,2 миллиардов долларов, превысив за счет роста цен показатель 2008 года на 16,8%. При этом экспорт нефти из России в 2012 году составил 239,9 миллиона тонн, снизившись на 1,8% по сравнению с предыдущим годом. Доля экспорта нефти в общем объеме российского экспорта в 2012 году составила 34,5% (35,2%), а в экспорте топливно-энергетических ресурсов — 49,0% (в 2011 году — 50,2%). Что, значительно увеличились позиции России после насильственных ограничений иранского экспорта? Совсем нелишним будет напомнить, что за этот же период из числа экспортеров выпала Ливия и так и не восстановил объемы добычи Ирак — но не озолотилась страна, правительство о секвестре социальной сферы заговорило.

Говоря об Иране и иранских нефти и газе, российские «эксперты» застенчиво умалчивают и о том, что основными конкурентами России является не Иран, а Саудовская Аравия и Катар. Именно Саудовская Аравия, а отнюдь не Россия, взялась замещать странам-импортерам выпадающие объемы иранской нефти. Не замечать этого — значит либо расписываться в полном непрофессионализме, либо отрабатывать заказ на нагнетание иранофобии.

Впрочем, автор в использовании сомнительного толка доказательств себя не ограничивает. Вот как он оценивает перспективы российско-иранского сотрудничества в атомной энергетике: «Речь в том числе идет об исполнении уже принятого закона, предусматривающего строительство отдельных АЭС и дополнительных реакторов для Бушерской АЭС, запуск которых должен дать Исламской Республике еще 20 тысяч МВт электроэнергии. Однако в этих планах России, судя по всему, отводится весьма скромная роль... Сейчас с Москвой идут переговоры о совместном возведении на иранской территории новых атомных объектов мощностью до 4 тысяч МВт».

Нет, автор все же — «глыба и матерый человечище». Потому что такого закона нет в природе. Есть утвержденная программа десятого правительства Ирана о строительстве в ближайшие 20 лет АЭС общей мощности в 20 000 МВт. Россия, с грехом пополам, построила всего лишь одну АЭС — Бушерскую, мощностью в 1000 МВт — аж за 15 лет. Что, прикажите Ирану ждать 300 лет? Тем не менее, Иран (в благодарность за Бушерскую АЭС и из-за наличия конкретного опыта строительства АЭС и налаженных контактов и связей) предлагает России продолжить сотрудничество в ядерной энергетике на совершенно эксклюзивных условиях, даже без проведения международного тендера.

Дело не в Иране, дело в Путине

В материале содержится еще немало феерических утверждений. Чего стоит хотя бы такой пассаж: «... начало реальной легитимизации иранской ядерной программы приведет лишь к еще большей гонке вооружений в регионе и мире». То есть, реально существующие ядерные арсеналы Израиля и почти 10% ВВП Саудовской Аравии, которые она тратит на оружие, миллиарды США и монархий Персидского залива на ПерсоПРО гонку вооружений не провоцируют. А вот мифическое ядерное оружие Ирана вкупе с 3,7% ВВП на оборону без сомнений поставят регион на грань вооруженного конфликта. И мы еще блондинок в «извилистой логике» обвиняем...

Или вот этот перл: «... российское руководство очень не хотело бы раздражать Иран, который пока не пытается дестабилизировать ситуацию на юге России и в частности, на Северном Кавказе». Что значит — пока? С 90-х годов, с конфликта из-за Карабаха, с гражданской войны в Таджикистане, с операций в Чечне, Иран ни разу, повторим — НИ РАЗУ не пытался дестабилизировать обстановку в регионах российского влияния. Более того, прилагал все усилия для прекращения конфликтов и всегда оказывал России политическую поддержку. На Кавказе и в Центральной Азии у Ирана есть противники более реальные и более серьезные — с какой стати он еще и с Россией должен конфликтовать? Да ни с какой — просто автору так хочется. Собственные фантазии и геополитические страшилки — штука забористая.

Но не все так просто. На острие критики автора — отнюдь не Иран, а российский Президент и министр иностранных дел. Именно они виновны в том, что женевские соглашения стали, по мнению автора, поражением России. Со слов автора получается, что при президенте Медведеве политика Москвы в отношении Ирана была совершенно правильной. А вот при нынешнем — ошибочна и чревата. Что ж, вполне объяснимая позиция. Ни прозападное лобби в стране, ни российская либеральная оппозиция не намерены прощать Путину курс на самостоятельную и независимую от диктата извне внешнюю политику. Произраильское и прозападное лобби не намерено прощать президенту Путину то, что он отказывается пожертвовать российскими интересами в угоду иранофобии Тель-Авива и Вашингтона. Оно считает Евразийский союз, стратегическое партнерство с Ираном, сопротивление ЕвроПРО — это откровенный вызов Западу, Израилю и реакционным аравийским режимам. И на борьбу с этим вызовом оно мобилизует все то, что за последние 22 года последовательно и систематично создавало в новейшей России: либеральные СМИ, прикормленных экспертов, облагодетельствованных грантами оппозиционеров.

Поняв это, начинаешь понимать и то, что из-под маски respectable официанта — автора, предлагающего «жареное» иранское меню, отчетливо торчат уши прозападных лоббистов и болотной оппозиции. А из-под маски «страдальца за Россию» проступает личина «лица западной и сионистской ориентации». И очень жаль, что на недавний призыв «неистового Биби» к российским друзьям Израиля всеми силами бороться с российско — иранским сближением, одним из первых откликнулось столь уважаемое и интересное издание как «Аргументы.ру».

Владимир Ефимов

Запад уклоняется от женеvских соглашений

Долгие годы поднимая шум вокруг иранской мирной ядерной программы, казалось бы Запад в лице США и ЕС должен был быть более

всех заинтересован в имплементации женеvских договоренностей между «шестеркой» международных посредников и ИРИ. Как известно,

24 ноября с.г. «Шестерка» и Иран согласовали в Женеве промежуточное соглашение по иранской ядерной программе, предусматривающее временное освобождение Тегерана от части экономических санкций в обмен на ограничение ядерной программы. Мировые державы тогда выразили уверенность в том, что эта сделка позволит выиграть время для выработки окончательных договоренностей по этой сложнейшей проблеме современности.

Казалось бы, все хорошо, и наконец-то удалось нащупать наиболее оптимальный путь к решению этого вопроса, искусственно раздуваемого Западом и их региональными союзниками, прежде всего Саудовской Аравией и Израилем, на протяжении многих лет. И вдруг случилось совершенно неожиданное. На очередном раунде экспертов женеvского процесса, где должны были быть закреплены конкретные формы реализации договоренности от 24 ноября с.г., иранская делегация в знак протеста покинула зал переговоров. Но на этот раз подобные действия стали не проявлением принципиальной упрямости, характерной для прошлого периода, а реакцией на неоправданные шаги со стороны Вашингтона после того, как США включили в «черный список» 19 физических и юридических лиц, подозреваемых в помощи Ирану в развитии его ядерной программы.

Государственный департамент и Министерство финансов США приняли решение добавить в американские санкционные списки ряд иранских организаций и граждан, а также сотрудничающих с Ираном юридических и физических лиц из разных стран. И расширение санкционных списков фактически совпало с запуском ответственной работы по выполнению положений женеvского соглашения, что откровенно противоречит его духу, поскольку тогда было четко определено, что никаких новых санкций в отношении ИРИ в течение ближайших шести месяцев вводиться не будет. То есть Вашингтон де-факто пошел на вопиющее нарушение договоренности, к которой так стремился все последнее время.

Ведь как это выглядит на самом деле — 19 физических и юридических лиц по всему миру были занесены в «черный список». Они подозреваются в прямом или косвенном участии в обогащении урана для иранской ядерной

программы. В свою очередь, в совместном заявлении Минфина и Госдепа США было отмечено, что женевские договоренности «не должны и не мешают нашему стремлению разоблачить тех, кто продолжает поддерживать ядерную программу Ирана в обход санкций». Здесь, явно с логикой в Вашингтоне не все в порядке. Одной рукой американцы пытаются набросать план имплементации договоренности от 24 ноября, а другой — ужесточают санкции.

Надо сказать, что и Евросоюз повел себя практически аналогично, хотя еще накануне вместе с США демонстрировал стремление завершить сделку с ИРИ по ядерной программе. Европейцы стали искусственно тормозить начало имплементации процесса. Вчера Сергей Лавров подверг критике отношение ЕС к договоренностям с Тегераном по ядерной программе, выразил сожаления, что начало осуществления первого этапа затягивается и может переноситься на январь следующего года. Он намерен выяснить у представителей ЕС из-за каких «непреодолимых препятствий», по сути, на много недель откладывается одобрение той самой договоренности, которую все называли историческим прорывом.

Чем же можно объяснить столь непоследовательные шаги Запада по отношению к Ирану и его внешней политике, скорректированной в сторону прозрачности, предсказуемости и сбалансированности? Ведь в Тегеран буквально выстроилась очередь из западных стран, стремящихся быть в первых рядах среди тех, кто получит масштабные контракты с иранцами после приостановки, а затем и снятия санкций. И вряд ли кто-то поверит в то, что странное решение Вашингтона не имеет никакого отношения к действиям Евросоюза. Ведь всем хорошо известно, насколько тесно координируют свои шаги США и их европейские союзники по ЕС и НАТО. Случайные совпадения здесь полностью исключены. Налицо заранее согласованное решение притормозить процесс нормализации отношений с Тегераном, в том числе и в сфере урегулирования вопроса о его ядерной программе. Тем более что накануне в иранской столице побывал глава МИД России Сергей Лавров, который выражал уверенность в дальнейшем продолжении женевского процесса.

Ответ на все это непоследовательное поведение Запада довольно очевиден, если проанализировать все то, что сопровождало переговоры в Женеве, и прежде всего лихорадочные усилия Саудовской Аравии и Израиля сорвать эту историческую сделку. Эмиссары из обеих стран успели посетить все столицы стран-участников переговоров, внушая их лидерам, что ИРИ ведет двойную игру, пытаясь выйти из санкционного режима, не дав ничего реального взамен. И надо быть наивным, чтобы полагать, будто на Западе поверили этому. Там прекрасно видели болезненную реакцию этих двух региональных государств еще на телефонную беседу Роухани с Обамой в конце сентября с.г. Уже тогда в Эр-Рияде и Тель-Авиве лихорадочно задержались, пытаясь просчитать, насколько реальны шансы Тегерана при новом президенте договориться с США и ЕС по ядерному вопросу. А когда поняли — более чем реально, саудовцы и израильтяне стали действовать. Но делали они это настолько поспешно, что даже прозевали тайные контакты американцев с иранцами в Омане. Более того, дело дошло и до скрытых угроз путем распространения слухов о якобы возможной совместной военной акции КСА и Израиля против ядерных объектов ИРИ. Однако

блеф не сработал, и тогда в ход было пущено гораздо более эффективное средство — задействование своих лобби. Ведь не секрет, что саудовское и израильское лобби в США являются самыми мощными. За ними стоят не только влиятельнейшие политические деятели Америки, но и крупнейшие нефтяные структуры, банки и другие финансовые институты, производители оружия и т.д. Да и в ведущих странах ЕС, прежде всего Великобритании и Франции, саудовское и израильское лобби пользуются особым влиянием. Ведь за продвижением интересов этих двух стран Ближнего Востока стоит многое — от того, как будут действовать финансовые институты и на какие суммы Саудовская Аравия будет закупать оружие, какие объемы ее инвестиций хлынут в США и ЕС, каковой будет ценовая политика королевства на мировом рынке нефти. А для слабеющих экономик Нового и Старого света сейчас все это весьма немаловажно.

Справедливости ради надо признать, что и Тегеран на каком-то этапе «зеванул», потеряв чутье, и даже впал в некую эйфорию от того, насколько быстро пошел процесс нормализации его отношений с Западом. Подвела полная уверенность в том, что новые акценты внешней политики Роухани будут должным образом восприняты в мире, в своей геополитической значимости и уверенности в том, что иранский рынок в регионе самый перспективный и за него пойдет ожесточенная борьба. Но не был учтен фактор того, что политическая элита США давно и прочно завязана на саудовскую королевскую семью, «подкармливается» ей, а произраильские структуры в Вашингтоне способны решать самые деликатные вопросы в разных уголках мировой политики. Кстати, и внутри Ирана многие влиятельные силы, включая КСИР, предупреждали Роухани и его команду от поспешных и чересчур быстрых шагов навстречу Западу, особенно США. Слишком уж разные интересы у Вашингтона и Тегерана в Персидском заливе и на Ближнем и Среднем Востоке.

Но ничего страшного не произошло, если трезво оценить произошедший в Женеве сбой. Для Х.Роухани это послужит напоминанием о том, что американцам и их близким союзникам в ЕС нельзя слишком доверять, что их политика подвержена сильному внешнему воздействию, особенно со стороны тех, кто обеспечивает энергетическую безопасность Запада и мощные денежные вложения в его банки. А выгоды от сближения с Тегераном — это пока только перспектива, хотя и реальная. Ведь как бы ни старались антииранские лоббисты, но в американской и европейских столицах есть и другие влиятельные силы, которые заинтересованы в обратном. Им не хочется находиться в унижительном подчинении у стареющих ваххабитских правителей Аравии. Да и решение вопроса о ядерной программе ИРИ важнее Вашингтону, а не Тегерану. Тем более что соглашение 24 ноября уже записано в актив американской дипломатии.

Так что иранская делегация сделала правильно, громко хлопнув дверью. Она лишний раз напомнила Западу, что протянутую руку можно убрать обратно. И тогда уже США и ЕС придется просить Иран о возобновлении переговоров. Полезно и другое — теперь в Тегеране еще раз убедились в том, кто из мировых держав искренне желает ему добра, а кто ищет только собственную выгоду. Хочется верить в то, что Иран и далее будет опираться на Россию как на страну, которой можно верить, и на чью помощь и искренность можно рассчитывать.

Лавров в Тегеране: новый уровень диалога

Успешный визит Сергея Лаврова в Тегеран положил начало качественно новому уровню российско-иранских отношений. Теперь партнерство с Исламской республикой рассматривается командой российского Президента как важная составляющая не только внешней, но и внутренней российской политики. Главным итогом визита Сергея Лаврова стало то, что в ходе состоявшихся переговоров намечены вполне конкретные направления совместной работы, которые могут привести в перспективе к подписанию долгожданного Большого российско-иранского договора.

Как это обычно и бывает, одно из важнейших событий российской внешней политики получило достаточно скромное освещение в СМИ. Причина здесь не столько в некоем «заговоре молчания», хотя попытки опорочить женеvский процесс и роль в нем Москвы мы уже наблюдаем. Сразу же за визитом Сергея Лаврова в Тегеран последовали несколько важнейших событий: во-первых, послание Президента России Федеральному собранию, во-вторых, Конгресс США расширил «черный список» компаний и лиц, попадающих под санкции за сотрудничество с Ираном. И, наконец, в-третьих, ООН определилась с составом государств, которые примут участие в диалоге по Сирии (Женеvе-2) 22 января в швейцарском Монтре.

Все эти события «смазали» итоги визита российского министра иностранных дел в Тегеран и результаты его встреч с Джавадом Зарифом и президентом Роухани. Но эти же важнейшие события оказались так или иначе связаны с Ираном. И если в международных отношениях это вполне естественно и логично из-за возросшей роли «иранского фактора» на мировой арене, то упоминание иранской проблематики в послании Президента Федеральному собранию было далеко не случайно. Было бы ошибкой рассматривать визит Лаврова в отрыве от международного и внутреннего российского контекста, но сначала — о том, чего удалось достичь на переговорах в Тегеране.

«Дорожная карта» стратегического партнерства

Необходимость стратегического партнерства Москвы и Тегерана и для России, и для Исламской республики всегда была достаточно очевидной. Но проблемой политического диалога долгое время была его неконкретность. Когда речь шла о реализации какого-то отдельного проекта, будь то установление гражданского мира в Таджикистане, в Чечне или же в Сирии —

совместные действия двух стран были достаточно успешными. Когда же речь заходила о «партнерстве в принципе», начинали возникать нестыковки, проволочки и откровенное недопонимание. По итогам визита Сергея Лаврова намечены вполне конкретные направления совместной работы, по итогам которой можно будет выходить на тот самый «Большой Договор», о необходимости которого на страницах Iran.ru говорилось неоднократно.

Уже в самом ближайшем будущем темами политических консультаций между двумя странами, которые на переговорах в Тегеране решено сделать, во-первых, регулярными и, во-вторых, максимально активными, станут Афганистан, борьба с наркотрафиком и проблемы ограничения гонки вооружений на Каспии. Так как каждая из этих проблем — это вызов национальной безопасности как Ирана, так и России, поэтому выработка совместных подходов и реализация конкретных шагов по этим направлениям — по сути, уже стратегическое партнерство. Тем более, что эти проблемы напрямую связаны с экспансией США и НАТО, как в Центральной Азии и Афганистане, так и на Каспии.

Говоря о международных проблемах и, в первую очередь, о «Женева-2», конференции по мирному урегулированию, в которой, по мнению России, обязательно должен принимать участие Иран, необходимо сказать, что красивая и победная точка была поставлена уже тогда, когда Сергей Лавров покинул Тегеран. Спустя два дня после окончания его визита, Иран получил официальное приглашение на мирную конференцию по Сирии, которая состоится 22 января в швейцарском городе Монтре. Но переговоры в Тегеране выявили новую, общую для Ирана и России угрозу, которая может обернуться новым витком напряженности вокруг Исламской республики и послужить причиной срыва «жневских соглашений». ЕвроПРО (и ПерсоПРО как составной ее элемент) вполне способна стать той миной, которая взорвет диалог Ирана с Западом и, соответственно, обнулит все достижения России и стран мирового сообщества на переговорах по иранскому ядерному досье.

О чем Сергей Лавров не сказал в Тегеране

И здесь встает очень важный вопрос — как теперь Россия будет реагировать, если «калечащие санкции» в отношении Ирана будут продолжены. Иранская сторона, наученная горьким опытом 2008–2012 годов (время президентства Дмитрия Медведева), дала понять, что откровенно опасается очередного «поворота России к Западу», который обернется неисполнением Москвой взятых на себя обязательств. Собственно, именно этими опасениями и было продиктовано сделанное Джавадом Зарифом на совместной пресс-конференции заявление о том, что Иран «по-прежнему настаивает на выполнении предыдущих соглашений по поставкам С-300». Выполнение этого контракта в Тегеране рассматривают как своеобразное доказательство серьезности намерений Москвы к расширению сотрудничества, как своего рода гарантию невозврата к временам Дмитрия Медведева.

Ответ российской стороны, в определенной мере — сенсационный, последовал в интервью замминистра иностранных дел Сергея Рябкова «Российской газете». Во-первых, была дана максимально жесткая оценка последним действиям США в отношении Ирана: «Нет уверенности, что мы сможем

воспользоваться результатами Женевы «сирийской», назовем ее так, и Женевы «иранской» в качестве трамплина для начала нового витка улучшения отношений с США. Ответственность за эту ситуацию однозначно возлагаем на американскую сторону. Для нас неприемлемо принятое на днях в США решение ввести новые санкции в отношении группы иранских физических и юридических лиц. Так можно сорвать весь процесс». А во-вторых, и это по-настоящему сенсационно, впервые на столь высоком уровне последовало признание о том, что ряд международных документов толковался Москвой излишне расширительно: «У нас нет свидетельств, нет информации, подтверждающей тезис о том, что в Иране существовала ранее или, тем более, сейчас существует тайная оружейная программа в ядерной области». Достаточно откровенное заявление о том, что Россия не намерена больше участвовать в односторонних санкциях.

Правительство России и Конгресс США — единомышленники в неприятии Ирана

«Необходимо и далее вести терпеливый поиск более широкого решения, гарантирующего неотъемлемые права Ирана на развитие мирной ядерной энергетики и безопасность всех стран региона, включая Израиль», — заявил российский Президент в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ. И продолжил: «Теперь что получается — иранская ядерная проблема уходит, а система ПРО остается. И не просто остается, а получает свое дальнейшее развитие». Из сказанного следует два вывода. Во-первых, «иранское направление», как и диалог с Тегераном, Москва рассматривает как ключ к обеспечению безопасности не только в регионе, но и как задачу обеспечения национальной безопасности России. Во-вторых, названы два основных противника этой системы безопасности — США и Израиль. Таким образом, на высшем уровне могущественному прозападному и произраильскому лобби в России, которое активно присутствует практически во всех сферах и на всех уровнях политической, деловой и общественной жизни российского общества, дан четкий сигнал — «выступая против сотрудничества с Ираном, вы выступаете против национальной безопасности России». Вопрос теперь в ответной реакции этого лобби, которая, без сомнений, не заставит себя ждать.

Распоряжение об освобождении от должности торгового представителя в Иране, пусть и в связи с выходом на пенсию, состоявшееся на заключительном этапе подготовки визита Сергея Лаврова в Тегеран, в период, когда каждое «телодвижение» выверено до миллиметра, — прямое признание того, что все программы торгово-экономического сотрудничества с Ираном откровенно были провалены. Товарооборот между нашими странами упал до критически низкого уровня, российские финансовые структуры и российская банковская система, по сути, максимально активно присоединились к санкциям против иранской финансовой системы, правительственные чиновники не только полностью самоустранились от какой-либо работы по налаживанию экономического сотрудничества с нашим ближайшим соседом, но все это время, начиная с 2008 года откровенно саботировали и продолжают до сих пор саботировать любые экономические инициативы правительства и деловых кругов на «иранском направлении». Активизации

работы российско-иранской межправительственной комиссии, о которой говорилось в Тегеране, — дело, безусловно, хорошее. Но если из 15 указов и поручений Президента исполняется лишь одно, то о какой реанимации, тем более, эффективности в развитии стратегического диалога с Ираном можно говорить? Торгово-экономическое сотрудничество и совместные бизнес-проекты — это основа, фундамент любого стратегического партнерства. В противном случае российско-иранские отношения будут строиться на зыбком, рыхлом и неустойчивом фундаменте и могут изменить свою природу от одного дуновения ветра, как это имело место в недалеком прошлом.

***

Успешный визит Сергея Лаврова в Тегеран — своего рода кульминация в создании фундамента российско-иранского партнерства. На политическом уровне эта успешность уже подтвердилась. Диалог Тегерана и Москвы стал важным вопросом не только внешней, но и внутренней российской политической повестки. Теперь наступает самый сложный этап — строительство на этом фундаменте таких отношений, которые обеспечивали бы и экономическое развитие наших стран, и безопасность России и Ирана, и мир и стабильность на Востоке.

Игорь Николаев

ПерсоПРО: Новая угроза региональной безопасности

Произнесенные Обамой слова о том, что «мы (США — И.Н.) должны вести переговоры с Ираном так же, как Рейган с СССР» означают не просто «откат» к временам Холодной войны. Это возврат к региональной гонке вооружений, к изматыванию иранской экономики в военном противостоянии. Развертывание в Персидском заливе системы ПРО по своему военно-политическому значению вполне сопоставимо с программой звездных войн администрации Рейгана. Времена меняются, но задачи и инструментарий борьбы с неугодными Вашингтону режимами остаются прежними.

Пока международная общественность обсуждала, кто больше всего выиграл от женевских договоренностей по ядерной программе Ирана, пока дискутировались надуманные темы о том, что Саудовская Аравия и Израиль намерены «отвернуться» от США, монархии Персидского залива, Израиль, антииранские элиты в Вашингтоне и Пентагон нашли «асимметричный ответ» на разрядку в отношениях с Тегераном. Система ПерсоПРО, как составная часть глобальной системы противоракетной обороны, куда входит и ЕвроПРО, и, на перспективу, модернизированный «железный купол» Израиля — как нельзя более подходящий инструмент для того, чтобы «обнулить» все договоренности с Исламской республикой, достигнутые в Женеве.

Глава Пентагона Чак Хейгел заявил на видеоконференции с российским министром обороны Сергеем Шойгу, что договоренности, позволившие приостановить ядерную программу Ирана, не заставят США изменить свои планы по строительству элементов противоракетной обороны. Напомню, что обоснованием для создания ЕвроПРО служила именно «иранская ракетная угроза». Параллельно с этими планами резко активизировалась деятельность Пентагона по созданию ПерсоПРО — системы противоракетной обороны, элементы которой будут базироваться в монархиях Персидского залива. Вывод очевиден — в отношении России и Ирана администрация Обамы действует в своем традиционном стиле, «лжет и запугивает». Внешнеполитический маятник в Вашингтоне вновь качнулся в сторону конфронтации с Ираном.

Термин «противоракетная оборона» никого не должен вводить в заблуждение. Перед нами — именно наступательная система, направленная на достижение военного превосходства и на обеспечение безнаказанности стран-агрессоров в случае нанесения первого удара. О том, что первый удар по

Ирану является главным элементом военной доктрины ближайших союзников США в ближневосточном регионе, Тель-Авива и Эр-Рияда, свидетельствует не только воинственная риторика Израиля, к которой, в общем-то, уже привыкли, но и вполне конкретные военно-политические шаги руководства монархий Персидского залива.

Глубокое удовлетворение монархических элит

Создание по итогам саммита ССАГПЗ объединенного военного командования монархий, идея которого всего год назад у руководства ОАЭ и Катара особого энтузиазма не вызвала, — это своеобразный ответ аравийских монархий на женевские договоренности. Антииранская коалиция вынуждена сегодня консолидироваться, для этого — нужна серьезная платформа, и ПерсоПРО, в которой сплетаются политические и финансовые интересы правящих элит в Вашингтоне, в Тель-Авиве и в столицах государств Залива для объединения подходит как нельзя лучше. Во время своего недельной давности блиц-визита в монархии Залива, Чак Хейгел прямо заявил, что уходить или ослаблять свое присутствие в регионе США не собираются. Вполне объяснимая позиция с учетом того, что с 1976 года, по подсчетам Роджера Стерна из Принстонского университета, США вложили в безопасность монархий и обеспечение собственного присутствия астрономические восемь триллионов долларов.

Вложили отнюдь не безвозмездно, поскольку обеспечили себе и возможность контроля за ценами на нефть, и преданность союзников, и огромные заказы собственному военно-промышленному комплексу. Но одновременно шел и встречный процесс. Помимо обеспечения собственной безопасности, монархии Залива также получали от оружейных сделок совсем неплохой процент. Как заметил один из «оружейных» лоббистов, «покупая оружие в США — мы не просто покупаем оружие, мы покупаем отношения». И сейчас эти отношения полностью окупаются. Во время своего визита Хейгел предложил аравийским элитам не просто элементы ПерсоПРО, станции раннего обнаружения и ракеты-перехватчики. Он предложил им нечто большее — систему коллективной безопасности, которая в силу ряда причин будет гарантировать военно-техническую и финансово-экономическую заинтересованность США в стабильности и несменяемости аравийских режимов. ПерсоПРО, интегрированная в глобальную противоракетную систему США, — слишком «тонкая и ценная» штука, чтобы зависеть от таких пустяков, как права человека, уровень демократии или волеизъявление «арабской улицы».

Безумная неадекватность цифр

Монархи истинный смысл предложения Хейгела поняли, оценили и выразили готовность полностью оплатить первый этап развертывания ПерсоПРО, который оценивается примерно в 20 миллиардов долларов. Своеобразным бонусом к этой сделке идет и то, что около 35 тысяч американских военнослужащих (треть из которых — личный состав сил быстрого реагирования) и 40 кораблей ВМС США по-прежнему будет оставаться на своих базах в Заливе. При этом ни один из оружейных контрактов США с Саудовской Аравией, Эмиратами и Катаром в сторону уменьшения пересмотрен не бу-

дет — совершенно безумная накачка аравийских монархий современными видами вооружений продолжается. По программа ПерсоПРО в 2014 году в Кувейт будет поставлено 60 противоракетных комплексов «Patriot» с расширенными возможностями, 20 пусковых платформ для них и 4 многофункциональных радара — всего на 4,2 миллиарда долларов. Эмираты получают «комплексы высотной обороны» и дополнительные ракеты-перехватчики, что обойдется им в 4 миллиарда. Эр-Рияд уже оплатил 1,7 миллиарда за модернизацию имеющихся у него ракетных комплексов и планирует вложить еще около пяти миллиардов в размещение новых радаров на территории королевства и Бахрейна. В 12 миллиардов «комплексы высотной обороны» обойдутся Катару.

Если кто-то скажет, что принимаемые меры являются «ответом на иранскую угрозу», то такой наивности стоит только посочувствовать. Неадекватность военных расходов аравийских монархий на «нужды обороны» и «защиты от иранской агрессии» очевидна. Иран тратит на оборону 3,7% ВВП, занимая по этому показателю 56 место в мире. Саудовская Аравия тратит на военные нужды почти десять процентов собственного ВВП и является пятой страной в мире по уровню военных расходов. Суммы военного бюджета Королевства и расходы Ирана на оборону — цифры несопоставимые. А если к расходам саудитов добавить военные бюджеты остальных аравийских монархий — то и попросту неадекватные. Поддержание странами ССАГПЗ такого уровня военных расходов «оборонными нуждами» не объяснить, это — бюджет готвящейся агрессии.

Железная логика «американской непоследовательности»

Но как показывает новейшая история, угроза агрессией порою не менее эффективна, чем прямое военное вторжение. Антииранская коалиция, при всей ее агрессивности, прекрасно понимает, что военный конфликт с Ираном обернется катастрофическими последствиями не только для аравийских монархий, но и для Израиля и, в конечном итоге, для американского присутствия на Ближнем Востоке. Поэтому, говоря о военной составляющей ПерсоПРО, не следует забывать о составляющей политической. Чего, по большому счету, добивается сейчас антииранская коалиция? Срыва жевневских договоренностей, причем, в идеале, виновником этого срыва должен стать именно Тегеран.

«Двойственность» Обамы в иранском вопросе сыграла с антииранской коалицией злую шутку. Запустив процесс нормализации отношений с Ираном, Вашингтон попросту не ожидал, что потребность Европы в иранском рынке окажется столь велика, а Россия начнет столь активно использовать жевневский процесс для продвижения собственных политических интересов и в самом Иране, и на Ближнем Востоке в целом. Отыграть назад в одностороннем порядке Вашингтону сегодня затруднительно, а потому для реализации собственных целей антииранская коалиция выбрала, во-первых, провоцирование Тегерана, а во-вторых, навязывание экономике Исламской республики, ослабленной санкциями, региональной гонки вооружений.

Метод провокаций ясен как божий день. В самый неожиданный момент, когда разрядка в ирано-американской напряженности становится неотвраща-

тимой реальностью, Конгресс США принимает новые санкции. Так было и в преддверии избрания Роухани, который главным пунктом своей программы провозглашал преодоление санкционного режима. Так произошло и на минувшей неделе, когда Конгресс снова расширил «черный список» попадающих под санкции компаний и лиц. А ведь в «загашнике» у конгрессменов лежит уже готовый законопроект, который представляет собою откровенный ультиматум Тегерану, требующий, помимо прочего, «доступа к персональным данным всех лиц, занятых в атомной и ракетной программе Ирана». В противном случае — новые санкции, которые могут быть приняты сразу после рождественских каникул.

И — ПерсоПРО, активизация которой началась именно в тот момент, когда Джавад Зариф приложил максимум усилий для урегулирования спорных вопросов с аравийскими монархиями, а руководство Ирана, в качестве жеста доброй воли вывело эскадрилью штурмовиков со спорного острова Абу-Муса и предложило обсудить его особый статус. Если это не провокация — то уж и не знаю, что провокациями тогда называется. Кстати, помимо прочего, в блиц-визите Чака Хейгела был еще один, весьма многозначительный момент. Обращаясь к партнерам по переговорам, он предложил провести совещание министров обороны стран Залива для обсуждения дальнейших военных планов США и ССАГПЗ... аккуратно через шесть месяцев, после истечения срока достигнутых в Женеве договоренностей. Нет никакой непоследовательности в действиях антииранской коалиции — есть железная логика действий, направленных на срыв женевских договоренностей и дальнейшее экономическое удушение Исламской республики петлею санкций и непомерных военных расходов.

***

Создаваемая Соединенными Штатами система глобальной противоракетной обороны собственно к обороне никакого отношения не имеет. Это инструмент достижения глобального превосходства, столь же опасный для человечества, как раковая опухоль для отдельного человека. И так же как раковая опухоль, эта глобальная противоракетная система выбрасывает метастазы — ЕвроПРО, ПерсоПРО, интеграция с израильским «Железным куполом» — которые должны в ближайшем будущем обеспечить американское превосходство в каждом регионе. Судя по всему, период нерешительности и колебаний американской внешней политики на Ближнем Востоке подходит к концу. На наших глазах происходит подрыв женевского процесса по иранской ядерной программе, идет переформирование антиправительственных сил в Сирии, готовится атака на позиции Хезбаллы в Южном Ливане. Миротлюбивая риторика Вашингтона прикрывает не пустоту, а подготовку нового витка ближневосточной напряженности, которая ударит не только по Ирану, она ударит по всему, чего удалось за последние месяцы достичь России. Никаких иллюзий у Москвы в отношении ближневосточных планов США быть не должно. Не должно быть снижения нашей дипломатической активности на Востоке, безынициативности и безучастности, наивных надежд на то, что США куда-то с Ближнего Востока уйдут и «все само собой рассосется». Иначе мы получим такую ближневосточную конфигурацию, в которой России попросту не будет места.

Иранская тема на пресс-конференции Владимира Путина

Если на пресс-конференции с Президентом Раджаб Сафаров назвал 2013 год «самым блестящим годом для внешней политики России» на ближневосточном направлении, то будет справедливым заметить и другое. Декабрь нынешнего года стал месяцем, когда «иранской теме» впервые было уделено отдельное и серьезное внимание на двух важнейших внутрироссийских мероприятиях. «Иранская проблематика» обсуждалась и в послании Президента Федеральному Собранию, и на итоговой пресс-конференции Владимира Путина российским и международным СМИ.

Кто-то считает, что вопросам «иранского ядерного досье» и российско-иранских отношений было уделено излишне много внимания. Кто-то считает, что по большей части сказанное Президентом носило «дежурный» характер. Истина, как обычно, где-то посередине, и чтобы понять сказанное, а заодно — и невысказанное, стоит вчитаться в стенограммы выступлений чуть повнимательнее. Вопросы, заданные Раджабом Сафаровым на пресс-конференции, прежде всего выражали общественный запрос российской аудитории. Необходимость стратегического партнерства с Ираном, более углубленного взаимодействия с Исламской республикой по целому ряду важнейших международных вопросов — российской общественностью осознается в полной мере. Более того, развитие диалога Тегерана и Москвы воспринимается как одно из необходимых условий эффективной внешней политики России на Востоке. И, что также важно, как одно из направлений, развитие которых даст нашим странам существенные политические и экономические выгоды.

Похоже, что геополитическую необходимость стратегического партнерства с Ираном и российское руководство осознает в полной мере. Слова президента о том, что «мы настроены развивать отношения с Ираном по всем направлениям. Это наш принципиальный выбор» — нечто большее, чем протокольная фраза. Успех в Женеве, дипломатическая партия по Сирии — были бы невозможны без встречных шагов Ирана. Владимир Путин прекрасно помнит о том, как активно включилась иранская дипломатия в процесс переговоров с Башаром Асадом по вопросу отказа Сирии от химического оружия и присоединения Дамаска к договору ОЗХО. Как и помнит о том, что вообще весь процесс сирийского урегулирования — в первую очередь российско-иранская партия.

Израильское лобби, Персо-ПРО и другие совместные вызовы

«Дело Сноудена», «Закон Магницкого» и прочие пусси и ходорковские — это все мишура. Основная претензия части американского истеблишмента и НАТО к России и Ирану — это не «отсутствие демократии». Вашингто-

ну и Брюсселю по большому счету на демократию, «режим нераспространения» и «права человека» — наплевать и забыть, иначе самым жестким санкциям подвергались бы Саудовская Аравия, Катар и еще пару десятков стран, включая и Израиль. Основная претензия в том, что Москва, Тегеран и Пекин сегодня являются единственным препятствием для западной экспансии, экономической, культурной, политической. Игра на повышение градуса напряженности вокруг Ирана дает американской политической элите под прикрытием борьбы с мифической «бомбой» возможность на международном уровне разворачивать системы, которые обнуляют возможности сил ядерного сдерживания, а на региональном — позволяет как формировать подсистему противоракетной обороны, так и накачивать вооружениями своих стратегических партнеров — Израиль, саудитов, катарцев и т. д.

В своем выступлении на пресс-конференции Владимир Путин сказал то, что до него официальные лица ни на Западе, ни уж тем более — у нас, не осмеливались произносить вслух: «Администрация (США — ред. Iran.ru) находится под давлением различных сил в американском истеблишменте, в том числе под давлением значительной части Конгресса, который, в свою очередь, ориентируется на позицию Израиля». Израильское лобби впервые было названо в качестве главного противника урегулирования вопросов, связанных с иранской ядерной программой. «Когда я совсем недавно в Послании говорил о том, что мы достигли значительного прогресса на иранском направлении, если Вы обратили внимание, я сказал о том, что при этом нужно обеспечить безопасность всех стран региона, включая Израиль. Это важная составляющая, без этого трудно будет двигаться вперед или практически невозможно» — отметил Владимир Путин.

США устами министра обороны Чака Хейгела уже заявили, что не намерены отказываться от системы ЕвроПРО, а это, в свою очередь, означает, что планы модернизации израильского «Железного купола» и создания ПерсоПРО пересмотрены не будут. И от администрации Обамы здесь мало что зависит. На все эти системы завязаны интересы таких могущественных политических сил, перед которыми Барак Обама попросту пешка. Таким образом, хотим мы того или не хотим, но возникает новый этап противостояния и на Ближнем Востоке, и в остальном мире, на котором Вашингтону и НАТО будет противостоять ось Москва-Тегеран-Пекин.

Бомба под женеvский процесс

Нужно сказать больше — американский политический истеблишмент, оправившись от шока, который испытал после подписания женеvских предварительных договоренностей, перешел в решительное наступление. В среду стало известно, что в комитетах и комиссиях Конгресса США начинается рассмотрение нового законопроекта, названного «Закон о свободном от ядерного оружия Иране» (Nuclear Weapon Free Iran Act of 2013). Активность вокруг законопроекта связана с тем, что его планируется представить на рассмотрение Сената сразу же на первой неделе после рождественских каникул, то есть — после 6 января. Закон значительно расширяет сферу применения санкций, а кроме того гласит, что президент США, даже в слу-

чае достижения каких-либо договоренностей с Ираном, не сможет от этих санкций отказаться. Если, цитируем по тексту законопроекта, «Соединенные Штаты и их союзники (Россия и Китай, как можно заметить, из процесса исключаются — Iran.ru) не достигли окончательного и поддающегося проверке соглашения или договоренности с Ираном, которые предусматривают демонтаж незаконной ядерной инфраструктуры...»

Но еще более потрясающим моментом данного документа является абзац о том, что «если Израиль осуществит военные действия в рамках самообороны против ядерной программы Ирана», то «США должны поддержать Израиль», а Конгресс США — дать «разрешение на оказание правительству Израйля дипломатической, военной и экономической поддержки для защиты правительством Израйля своего существования, территории и населения». Справедливости ради нужно отметить, что у законопроекта в Конгрессе достаточно оппонентов. Но сам факт того, что он все же «запущен в работу» — достаточное доказательство «минирования» женевского процесса американской стороной. Тегеран, а вместе с ним — и Москву, загоняют в дипломатический тупик: «на каждую уступку с вашей стороны мы отвечаем выдвижением новых, более жестких требований. И либо вы полностью капитулируете, либо — переговоров не будет вообще».

То, что это контратака — видно невооруженным глазом, достаточно сопоставить подход Конгресса и сказанное российским президентом на пресс-конференции: «еще раз подчеркнуть нашу принципиальную позицию — иранскому народу, иранскому государству должна быть обеспечена возможность развивать свои высокие технологии, в том числе в ядерной сфере, мирного характера, и международное сообщество не имеет права требовать от него каких-то ограничений дискриминационного характера». Выраженная российским президентом позиция, разумеется, предполагает конкретные шаги, одним из которых мог бы стать «Большой российско-иранский договор». Позиция президента в данном вопросе, возможно, многих разочаровала, поскольку ответ на прямо поставленный вопрос был дан достаточно уклончивый: «А договор — конечно, нужно подумать о его наполнении. В целом мы очень положительно относимся к этой совместной работе».

***

Совершенно очевидно, что на сегодняшний день российское руководство не готово к реализации проекта российско-иранского стратегического партнерства. Проекта, который означал бы прямое противостояние с Вашингтоном. Разумеется, в таком решении есть свои резоны. Но уже сейчас очевидно, что первые месяцы нового, 2014 года, станут весьма напряженными. Вопрос об «иранском законопроекте», развитие ситуации после конференции по Сирии, еще ряд ожидаемых событий — все это будет работать на формирование новой политической реальности, диктовать российской дипломатии новые задачи. Стратегическое партнерство с Ираном — это уже не просто форма дипломатического маневра, это требование национальной безопасности России. Даже если мы не пойдем к «Большому Договору», то, он сам придет к нам. Главное — чтобы не с опозданием.

Путин: Иран является нашим приоритетным партнером

На девятой большой пресс-конференции в четверг, 19 декабря, Президент Российской Федерации Владимир Путин ответил на вопросы 52 журналистов, 39 обращений касались российских проблем, 13 — международных. В ходе четырехчасовой встречи глава государства, в том числе, высказал свою позицию по Ирану.

Текст из стенограммы пресс-конференции

ВОПРОС: Спасибо большое за возможность задать Вам вопрос. Юлия Любова, телеканал «Press TV». Владимир Владимирович, сегодня продолжаются переговоры между «шестеркой» и Ираном на уровне экспертов, где будет выработываться «дорожная карта», основанная на взаимных обязательствах. Но, несмотря на проходящие переговоры, США недавно внесли дополнительно в черный список иранские компании за уклонение от санкций. Как Вы думаете, насколько серьезно относятся США к переговорам по иранской ядерной программе? И если Конгресс США внесет дополнительные санкции, как это отразится на переговорах?

В.ПУТИН: Пожалуйста, Ваш коллега тоже поднимал эту бумажку.

ВОПРОС: Уважаемый Владимир Владимирович! Раджаб Сафаров, главный редактор российского журнала «Деловой Иран». Похоже, что 2013-й год стал одним из наиболее блестящих для внешней политики России. Виртуозная «сирийская партия» с предложением о ликвидации сирийского химического оружия, реализация принципа «поэтапности и взаимности» по иранскому ядерному досье, безукоризненно выстроенные диалоги с Анкарой, Эр-Риядом и Каиром — все это позволяет России снова занять на Ближнем Востоке подобающее ей место.

Однако, в последние дни США стали явно уклоняться от женевских соглашений по Ирану. Слова Обамы о том, что «США должны вести переговоры с Ираном так же, как Рейган, в свое время с СССР» означают не просто «откат» к временам Холодной войны. Это возврат к региональной гонке вооружений, к изматыванию иранской экономики в военном противостоянии. США, фактически уже приступили к разворачиванию системы ПРО в Персидском заливе. Так называемая система ПерсоПРО, как составная часть глобальной системы противоракетной обороны, куда входит и ЕвроПРО, и, на перспективу, модернизированный «Железный купол» Израиля, конечно же к обороне никакого от-

ношения не имеет. Это инструмент достижения глобального превосходства. Система ПерсоПРО — это новый виток ближневосточной напряженности, которая ударит не только по Ирану, она очень сильно ударит и по интересам России. Готова ли Россия к адекватным ответам на вызовы ЕвроПРО и ПерсоПРО?

И второй вопрос. На фоне происходящего, в процессе тихого нашего возвращения на Восток, партнерство с Ираном приобретает особый, системообразующий характер, формирует новую карту ближневосточных политических реалий. В этой связи, не пора ли подписать «Комплексный, Большой и Всеобъемлющий Договор» между Россией и Исламской Республикой, наподобие российско-индийского и российско-китайского Большого договоров? И самое последнее, что я могу сказать сегодня. Вы давно обещали посетить Иран с официальным визитом. Какова перспектива этого долгожданного визита все-таки? И если этот визит состоится, он на самом деле будет историческим визитом, поскольку со времен Тегеранской конференции 1943 года ни один советский лидер и ни один российский лидер с официальным визитом не посещал Тегеран.

В.ПУТИН: Я был, как Вы знаете, в Тегеране в рамках работы Каспийского региона, на встрече лидеров стран Каспийского региона. Иран для нас является одним из приоритетных партнеров в регионе, это наш сосед. Мы настроены развивать отношения с Ираном по всем направлениям. Это наш принципиальный выбор.

Что касается одной и второй части вопроса. Полагаю, что прогресс, который был достигнут на иранском направлении, связан не только с нашей позицией, но и в значительной степени с прагматичной позицией американской Администрации. Без этого прогресса бы просто не было, это невозможно было бы сделать. Да, конечно, мы последовательно защищали ту позицию, которая была принята, это правда, но без соответствующего

Иран для нас является одним из приоритетных партнеров в регионе, это наш сосед

настроения наших партнеров окончательной договоренности было бы достичь невозможно. Я не думаю, что последние заявления Президента США связаны с отходом американцев от линии, которая нами совместно выработана. Давайте не будем забывать, что Администрация находится под давлением различных сил в американском истеблишменте, в том числе под давлением значительной части Конгресса, который, в свою очередь, ориентируется на позицию Израиля. В этой связи, думаю, нам нужно вместе озаботиться всем тем,

что мешает выстраивать нормальные ирано-израильские отношения. Полагаю, что нужно все, что мешает нормализации отношений между Ираном и Израилем, не просто иметь в виду — нужно проанализировать все эти составляющие и минимизировать негативную сторону этого процесса. В этом заинтересован и Иран, думаю, что в этом заинтересован и Израиль, и все международное сообщество.

Когда я совсем недавно в Послании говорил о том, что мы достигли значительного прогресса на иранском направлении, если Вы обратили внимание, я сказал о том, что при этом нужно обеспечить безопасность всех стран региона, включая Израиль. Это важная составляющая, без этого трудно будет двигаться вперед или практически невозможно. Что же касается санкций,

то убежден, что это является контрпродуктивным решением. Ни к чему хорошему с точки зрения договоренностей окончательного характера по урегулированию проблемы это не даст, ни к чему хорошему не приведет. Надеюсь, что эти заявления, движение, что ли, в этом направлении не мешает всем нам двигаться дальше по пути решения иранской проблемы. При этом хочу отметить, еще раз подчеркнуть нашу принципиальную позицию — иранскому народу, иранскому государству должна быть обеспечена возможность развивать свои высокие технологии, в том числе в ядерной сфере, мирного характера, и международное сообщество не имеет права требовать от него каких-то ограничений дискриминационного характера.

Р.САФАРОВ: А про визит?

В.ПУТИН: Про визит мы на уровне МИДов пообсуждаем. Я имею приглашение от главы государства Ирана и с удовольствием им воспользуюсь.

Р.САФАРОВ: По поводу договора?

В.ПУТИН: А договор — конечно, нужно подумать о его наполнении. В целом мы очень положительно относимся к этой совместной работе.

Владимир Ефимов

Темные игры вокруг Ирана

Возникло много вопросов после того, как в ответ на принятие США нового санкционного списка по 19 физическим и юридическим лицам, якобы имеющим отношение к ядерной программе ИРИ, иранская делегация в знак протеста покинула зал переговоров в Женеве, где 14 декабря должен был быть утвержден план имплементации договоренностей между Тегераном и «шестеркой» международных посредников от 24 ноября с.г. Ведь тем самым Вашингтон сорвал процесс замораживания иранской мирной ядерной программы, к которому Запад так стремился многие годы. Тем самым США обманули Россию и страны ЕС, которые активно работали над тем, чтобы добиться прогресса в этом вопросе и найти компромисс по нему. Тем самым США обманули себя и своих дипломатов, так как накануне на протяжении нескольких недель американцы вели закрытые переговоры с иранскими дипломатами в Омане, чтобы договориться с Ираном по вышеупомянутому соглашению. США обманули и своих западных союзников, сначала заключив сделку с Тегераном, а затем почти тут же перечеркнув ее. США ввели в заблуждение и Россию, которая приложила немало усилий для того, чтобы максимально сблизить позиции Вашингтона и Тегерана.

Более того, прямо накануне последней женевской встречи Сергей Лавров ездил в ИРИ с официальным визитом. И по его завершению отметил, что «всеми вопросами ядерной программы Ирана и урегулированием возникших вокруг нее проблем занимается группа «5+1», которая вместе с Ираном и под руководством и при координирующей роли Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К.Эштон ведет соответствующую работу». По словам российского министра, «все предельно конкретно зафиксировано в женевском документе (прим. — от 24 ноября с.г.), описывающем те шаги, которые в ближайшие шесть месяцев будет предпринимать Тегеран. В ответ были согласованы меры облегчения санкционного бремени. В качестве первого шага их должны предпринять те страны, которые в обход Совета Безопасности ООН приняли односторонние санкции против Ирана.

Но в США решили действовать иначе, не считаясь с мнением других и не уважая договоренности от 24 ноября. И в глазах мирового сообщества Вашингтон, а точнее администрация Барака Обамы, США в очередной раз предстали как сторона, которой просто нельзя верить, и которая может в последний момент просто, что называется, «кинуть» своих партнеров. Более того, американцы пошли дальше, оживив планы по созданию «ПарсПРО» — системы ПВО в арабских странах Персидского залива, которая должна защищать государства ССАГПЗ от ракетных и авиационных ударов Ирана. Хотя еще в самом начале декабря глава МИД Ирана Джавад Зариф объездил Кувейт, Катар, ОАЭ и Оман и послал четкий сигнал о намерении Тегерана не просто жить в мире с арабскими соседями по Персидскому заливу, но и развивать с ними всестороннее сотрудничество. Более того, в качестве жеста доброй воли Иран решил вывести с острова Абу-Муса, оспариваемого ОАЭ, авиаэскадрилью и проработать вопрос об особом статусе этого острова. Но

под давлением США и Саудовской Аравии арабские страны ССАГПЗ вновь заговорили о «ПарсПРО» и закупке очередных партий американских вооружений. Причем стоимость проекта ПВО составляет десятки миллиардов долларов, а на приобретение оружия тратятся сопоставимые суммы, хотя Иран вовсе не собирается на кого-то нападать. Это Саудовская Аравия и Израиль грозили нанесением ударов по иранским ядерным объектам, причем неоднократно, но никак не наоборот. И все это выглядит весьма нелогично. С одной стороны, США и страны ССАГПЗ заинтересованы в замораживании ядерной программы Ирана и ужесточения контроля МАГАТЭ над ней. С другой, происходит рост эскалации военного противостояния в Персидском заливе.

Более того, своим решением о включении в санкционный список еще 19 физических и юридических лиц Вашингтон нанес достаточно сильный удар по позициям нынешнего президента Хасана Роухани, который позиционирует себя в качестве значительно более умеренного деятеля, нежели его предшественник Махмуд Ахмадинежад. Взяв курс на нормализацию отношений с Западом, включая США, а также на смягчение позиций Тегерана по вопросу своей ядерной программы, он в принципе сильно рисковал, учитывая вес консервативных сил в ИРИ, причем на самом верху. И ведь после возвращения Роухани из Нью-Йорка часть встречающих в аэропорту Тегерана забросали его помидорами в знак протеста против его телефонной беседы с американским президентом Бараком Обамой и весьма миролюбивой речи на 68-й сессии ГА ООН. А командование КСИР выступило с предупреждением в адрес президента относительно его шагов в сторону Вашингтона. Многим иранцам не понравилось и то, что Роухани, будучи в Нью-Йорке, в интервью телеканалу CNN фактически признал преступлением Холокост еврейского народа во время второй мировой войны.

Теперь же, после сбоя на женевских переговорах, где иранская делегация сделала достаточно существенные уступки Западу в вопросе обогащения урана и ужесточения контроля МАГАТЭ над ядерными объектами ИРИ, на иранского президента обрушился шквал критики. Его позиции внутри страны, как это не грустно констатировать, зашатались и ослабли. Тем самым Вашингтон собственными руками подорвал позиции всех умеренных сил Ирана, с которыми можно было договариваться и о нормализации отношений с Западом, и об уступках по ядерному досье, одновременно укрепив влияние консерваторов, выступающих за сохранение прежней жесткой линии Тегерана по всем вопросам внешней политики. И Роухани будет чрезвычайно сложно, особенно в обозримый период, вернуться к тому, что было до 14 декабря с.г. Иначе ему грозит полная обструкция со стороны консервативного крыла иранского руководства, которое не позволит ему продолжить курс, начатый в сентябре с.г.

В сложном положении оказалась и Россия, рассчитывавшая на приостановку, а затем и снятие санкций с Ирана. Ведь именно на развитие торгово-экономических и военно-технических отношений с ИРИ был направлен визит Сергея Лаврова в Тегеран 11–12 декабря с.г. Следует отметить, что у российских компаний, и особенно крупных государственных корпораций, имеются весьма значительные экономические интересы в ИРИ, прежде всего в энергетической сфере. А теперь вновь придется ждать и откладывать на неопределенное время реализацию намеченных планов. Да и западноевропейские государства спешили к разделу иранского экономического пирога в надежде на крупные и выгодные контракты. Но американцы и их застопорили.

Понятно, что столь нелогичный и непоследовательный шаг Вашингтон предпринял не сам по себе, хотя те американские компании, которые тесно завязаны на торгово-экономические и военно-технические связи с государствами ССАПЗ приложили максимум усилий в Конгрессе, чтобы добиться принятия «списка 19». Администрация Барака Обамы подверглась самому массивному воздействию со стороны Саудовской Аравии и Израиля, которые действовали как напрямую, так и через свои мощнейшие лобби в Вашингтоне. Был задействован весь ресурс политических аргументов, но главное — финансовые рычаги, чтобы добиться своего. И надо признать, что это им удалось. Барак Обама на этот раз проиграл, в отличие от того, что он смог сделать по Сирии в начале октября с.г., уклонившись от нанесения ракетно-бомбовых ударов по САР. Остается только догадываться, какие средства потратила Саудовская Аравия на «обработку» нужных людей в Вашингтоне в этот раз, если американцы пошли на сворачивание договоренностей по Ирану, которых они добивались все эти долгие годы. Вот что значит сила арабских нефтедолларов — США предприняли шаг, который противоречит интересам их собственный национальной безопасности! Да еще опозорились перед всем миром — ведь только полный простофиля не поймет, что нынешние власти Америки оказываются не могут принимать важнейшие решения независимо от внешнего воздействия. А речь идет о самой мощной державе мира, коими позиционируют себя США.

Но все-таки не стоит драматизировать произошедшее. Нужно просто извлечь уроки. Ведь теперь новый иранский президент окончательно понял, что Вашингтону доверять нельзя ни при каких обстоятельствах. Слишком ненадежный «партнер». Наверняка поняли это и в России, а также в Евросоюзе. И будут сделаны соответствующие выводы на будущее. Кроме того, теперь у Тегерана развязаны руки — ведь уже никто не сможет обвинять Иран в несговорчивости и нежелании идти на компромиссы. Мяч перекатился на американскую сторону поля. И теперь Вашингтону надо будет делать шаги навстречу ИРИ. А иранцы могут теперь запросить дополнительные уступки со стороны Запада — ведь свой шанс тот упустил и потерял моральное право диктовать условия новой сделки. Кроме того, иранцы должны понять, что опираться они могут только на Россию и Китай, и, естественно, на самих себя, если хотят добиться чего-либо серьезного. Ведь Западу ничего, кроме денег от выгодных контрактов с Ираном, не нужно. Да и то, получить их можно только в том случае, если не раздастся окрик из США.

К сожалению, проиграл от американского разворота только регион Персидского залива и Ближнего Востока. Создание зоны стабильности и сотрудничества в нем уже начинало просматриваться на горизонте. А теперь опять придется жить в страхе и неуверенности, да еще и тратить миллиарды долларов на американское оружие. Но как только начнут рушиться престарелые консервативные режимы в аравийских монархиях, это оружие попадет в руки совершенно новых сил, скорее всего молодых исламистских поколений, которые развернут его для достижения совершенно иных целей, нежели противостояние Тегерану. Ближний Восток уже полыхает 3 года, и арабская «весна» рано или поздно придет и на Аравийский полуостров. А платить за все придется именно арабским странам Персидского залива, которые сейчас идут на поводу у Саудовской Аравии, Катар и, конечно же, их американского союзника.

Владимир Евсеев

Иран в системе безопасности на Южном Кавказе

В настоящее время ситуация в сфере безопасности на Южном Кавказе определяется тремя основными факторами: глубоким сирийским кризисом, который все еще может привести к войне США и их союзников против Башара Асада, иранской ядерной проблемой и долгосрочными последствиями войны августа 2008 г. с Грузией. Главным следствием августовской войны стало временное прекращение процесса расширения НАТО на Южном Кавказе. Вмешательство России продемонстрировало своего рода «красную черту», а позиция Вашингтона, переложившего всю ответственность за разрешение кризиса на Европейский союз (ЕС), определило пределы могущества альянса.

Инертность внешней политики России в 2009–2012 гг., относительный успех НАТО в Ливии, зашедшее слишком далеко обострение кризиса в Сирии — все это подпитывает уверенность тех представителей Запада, кто хотел бы «переиграть» историю. В частности, вполне возможна повторная попытка прихода НАТО на Южный Кавказ, но уже в рамках разрешения проблемы Нагорного Карабаха. При этом может быть поставлен вопрос о приеме в альянс не только Грузии, но и достаточно амбиционного Азербайджана. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что среди правящей элиты Азербайджана сильны настроения по силовому возврату Нагорного Карабаха. Поводом для этого может стать, например, обострение ситуации вокруг иранской ядерной программы. В этих условиях Россия, Иран и Турция обязаны договориться между собой с целью предотвращения возможной войны на Южном Кавказе. Это можно сделать в рамках новой системы региональной безопасности, которая должна быть создана вне зависимости от принадлежности сторон к какому-либо военно-политическому блоку. В противном случае возможно возникновение региональной войны с непредсказуемыми последствиями.

Еще одна причина, которая подталкивает к созданию в рассматриваемом регионе новой системы региональной безопасности обусловлена тем обстоятельством, что на Южном Кавказе, как и на Ближнем и Среднем Востоке существенно ослабевает американское влияние. Следовательно, возникает геополитический вакуум, который заполняется региональными игроками. Иначе возможно нарастание активности различного рода радикальных организаций, которые продолжают получать значительную финансовую поддержку со стороны арабских монархий.

Первыми потребность в создании новой системы региональной безопасности почувствовали в Анкаре. Как следствие, 11 августа 2008 г. Турция предложила Азербайджану, Грузии и Армении под гарантии России и Турции создать «Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе», которая получила название Кавказского пакта. Платформа предполагала не поиск взаимоприемлемого для всех решения проблем Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии, что было достаточно проблематично, а выстраивание политики взаимного сосуществования двух сформировавшихся военно-политических союзов: России и Армении (включая новые де-факто независимые государства), с одной стороны, Турции, Азербайджана и Грузии — с другой. Очевидно, что предложенная Анкарой стратегия отражала ее стремление к региональному лидерству, которое подкрепляется серьезными основаниями. Так, по размеру валового внутреннего продукта (ВВП) Турция занимает второе место после России (в 2012 году размер ее ВВП составил 1125 млрд долл.), а по численности населения и вооруженных сил (ВС) — третье после России и Ирана. На конец 2013 года население Турции составило около 76 млн чел., а численность ВС превысила 500 тыс. военнослужащих.

Выстраивая свою политику на Кавказе, Турция учитывает, что в случае вооруженного конфликта серьезно пострадает ее статус как страны-транзитера энергоресурсов. Так, в августе 2008 г. британской компанией British Petroleum были вдвое сокращены объемы прокачки нефти по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан (до 12,4 млн баррелей). Аналогичное сокращение имело место и в отношении нефтепровода Баку — Супса и газопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум. Как следствие, Азербайджан был вынужден увеличить отгрузку нефти в Россию и начать продажи газа Ирану. А ведь существуют и альтернативные маршруты доставки в Европу углеводородного сырья. В частности, уже начато строительство газопровода «Южный поток», который пройдет в Европу минуя Турцию по дну Черного моря. В таких условиях Турции придется думать об обеспечении собственной энергетической безопасности, так как сейчас турецкий рынок на 75% зависит от импорта энергоресурсов, и по оценкам экспертов к 2020 году этот показатель возрастет до 85%.

В тоже время из системы региональной безопасности был достаточно искусственно выведен Иран, который не меньше Турции имеет оснований для регионального лидерства. Причем, в условиях закрытости армяно-азербайджанских и армяно-турецких границ и сложных российско-грузинских отношений Иран во многом является для Армении единственным окном во внешний мир. Как следствие, между Тегераном и Ереваном достаточно быстро развивается экономическое сотрудничество. Так, в конце 2008 года началась поставка в Армению иранского природного газа по газопроводу Тебриз — Мегри — Каджаран — Арарат мощностью до 2,6 млрд куб. м газа в год. Оплата за полученный газ осуществляется поставками в Исламскую Республику Иран (ИРИ) электроэнергии. Общая стоимость проекта, в реализации которого участвовала российская компания «Газпром», составила 250 млн долл. Ранее Армения получала природный газ только из России транзитом через Грузию. Между Арменией и Ираном действуют две высоковольтные линии электропередачи, посредством которых осуществляются сезонные взаимоперетоки электроэнергии. Планируется сооружение еще одной такой линии напряжением в 400 кВ. Стоимость этого проекта состав-

ляет около 100 млн евро. Между странами построена одна и строятся еще две современные шоссейные дороги, подписано соглашение о прокладке из Ирана в Армению железной дороги. По предварительным данным, стоимость последней составит 1,8 млрд долл., из которых 1,4 млрд предоставит Иран, а оставшуюся часть — ОАО «Российские железные дороги». Срок реализации этого проекта составит пять лет. Достигнута договоренность об участии ОАО «Газпром» в строительстве ирано-армянского нефтепродуктопровода и терминала жидкого топлива мощностью до 1,5 млн тонн, что имеет важное значение для энергетической безопасности Армении. В рамках двустороннего сотрудничества планируется сооружение Мегринской ГЭС. Стоимость указанных проектов составляет около 500 млн долл.

О существенном сближении взаимоотношений между Ираном и Грузией свидетельствует подписанное 3 ноября 2010 г. соглашение о безвизовом режиме пересечения границы, которое вступило в силу 26 января следующего года. Теперь граждане обеих стран могут ездить друг к другу на срок до 45 дней без оформления виз. Помимо этого, открыто генеральное консульство ИРИ в Батуми и возобновлено прямое авиасообщение между Тбилиси и Тегераном, прерванное в 2000 году. Со стороны Грузии этому способствовало не столько увеличение в два с половиной раза количества иранских туристов или ожидание крупных инвестиций, сколько фактический отказ ИРИ от признания независимости Абхазии и Южной Осетии, некоторое охлаждение при президенте Ахмадинежаде российско-иранских отношений и факт проживания в ИРИ не менее 300 тыс. грузин. Однако ирано-грузинский товарооборот по-прежнему мал, что создает неустойчивость в развитии двусторонних отношений. Это усугубляется отсутствием общих границ и сохранением труднопреодолимых различий в области культуры, религии и языка. Помимо этого, США как военно-политическая и финансовая опора грузинского руководства препятствуют развитию таких отношений.

Таким образом, ситуация в сфере безопасности на Южном Кавказе остается крайне сложной и взрывоопасной. При этом Россию и Турцию могут втянуть в вооруженный армяно-азербайджанский конфликт; существует некоторая вероятность большой войны на Ближнем Востоке, что может, например, значительно ухудшить внутреннюю ситуацию в Турции, а также в среднесрочной перспективе — нанесения Израилем ракетно-бомбовых ударов по иранским ядерным и военным объектам. США и их союзники могут попытаться вытеснить Россию и Иран из рассматриваемого региона, поэтому необходимо использовать все имеющиеся у Москвы и Тегерана политико-дипломатические средства для недопущения военной агрессии США и их союзников против Сирии, удержания Азербайджана от войны за Нагорный Карабах, а Израиля — от силового решения иранского вопроса.

Учитывая заинтересованность Анкары в создании новой системы региональной безопасности, крайне желательно уже в ближайшей перспективе провести трехсторонние консультации между Россией, Ираном и Турцией с целью выработки общих подходов к разрешению в регионе вооруженных конфликтов. Это позволит сформулировать концепцию новой, внеблоковой системы региональной безопасности. В результате удастся не только избежать новой войны на Южном Кавказе, но и создать благоприятный фон для разрешения проблем Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии.

Владимир Ефимов

Саудовская Аравия и США: Темные игры вокруг Ирана продолжаются

Саудовская Аравия продолжает нагнетать ситуацию вокруг Ирана, даже после того, как иранская делегация в ответ на принятие Вашингтоном санкционного списка из 19 физических и юридических лиц в знак протеста покинула переговоры в Женеве. Так, в Эр-Рияде заявили о намерении сформировать военный блок на базе Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГ-ПЗ), который должен стать антииранским по своей сути. На призыв Эр-Рияда, обращенный всем странам региона, откликнулся только Бахрейн. Однако остальные соседи ваххабитского королевства, в том числе близкие к КСА по политическому устройству нефтяные и газовые монархии — Катар, ОАЭ, Кувейт и Оман, не спешат отвечать на этот призыв, чем рискуют выставить «курам на смех» громогласное заявление Эр-Рияда.

На такой довольно резкий и неоднозначный шаг Саудовскую Аравию подвигла потребность в консолидации региональных союзников. Это случилось после резкого охлаждения американо-саудовских отношений в октябре с.г., когда стало известно о том, что в США не намерены поддерживать действия радикальных ваххабитов в Сирии, которые в свою очередь пользуются финансовой и материальной поддержкой Эр-Рияда. Хотя, конечно, корни этого конфликта уходят глубже, а именно — в переформатирование американской внешней политики на Ближнем Востоке, смену элит в Белом доме и пересмотр отношений между американскими спецслужбами и радикальными исламистами.

Прошлая республиканская администрация в Вашингтоне была тесно связана с королевской семьей в Саудовской Аравии через добычу нефти в Техасе и на Аравийском полуострове. Это облегчило Соединенным Штатам координацию действий с саудитами при проведении операций против Ирака, Афганистана, а также изоляции Ирана. Но в итоге Вашингтон потерпел ряд политических и военных неудач, сказавшихся на американском имидже во внешнем мире, да еще усугубленных тяжелым финансово-экономическим положением Америки. А всему миру хорошо известно, что Саудовская Аравия удалила руками международной коалиции под руководством США своего оппонента в лице иракского президента Саддама Хусейна, ограничила влияние Ирана на Ближнем Востоке, серьезно ослабила его стратегического партнера — Сирию, ликвидировала давнего оппонента — Ливию и ее лидера Муамара Каддафи.

После более десяти лет непрерывного противостояния с мусульманским миром США, наконец, поняли, что ставка на радикалов, подпитываемых Саудовской Аравией, в корне неверна. Гораздо эффективнее взаимодействовать с умеренными исламистами и светскими политическими силами стран Ближнего Востока. Поэтому осенью с.г. Соединенные Штаты сделали резкий поворот в своей ближневосточной политике и теперь пытаются отойти от курса на одностороннюю поддержку «арабских переворотов» и радикальных движений в странах региона.

Это вошло в противоречие со стратегическим курсом Саудовской Аравии на переформатирование политических режимов в арабских государствах Ближнего Востока путем поддержки радикальных группировок, сотрудничающих с Аль-Каидой, которая подозревается многими авторитетными международными экспертами в связях с саудовской разведкой. Проще говоря, если США отказались от сотрудничества с боевыми группировками ваххабитов, в частности, в Сирии и Ираке, то саудиты от такого сотрудничества не только не отказываются, но и намерены укреплять соответствующие международные сети.

Таким образом, Саудовская Аравия, утратив безоговорочную поддержку США, осталась практически в одиночестве на Ближнем Востоке. Поэтому в Эр-Рияде и появилась идея трансформации экономического объединения ССАГПЗ в политический альянс, причем на антииранской основе. Саудитам захотелось похуже привязать к себе монархии Персидского залива. Вместе с тем, остальные аравийские государства не хотят становиться полными сателлитами КСА, опасаясь потери своего суверенитета. Поэтому политическая инициатива Эр-Рияда основана на демонстрации якобы иранской опасности, которая не всеми соседями Саудовской Аравии воспринимается в качестве критической угрозы.

Однако не стоит исходить из того, что саудиты будут ждать положительного ответа своих соседей. Эр-Рияд продолжит негласную войну с Ираном, в которой главным их союзником, в нарушение религиозных и политических установок, и традиции, является Израиль. Правда, предложение Саудовской Аравии для соседей привлекательно тем, что саудовские армия и полиция могут обеспечить им защиту от переворотов. Но какой ценой? Вполне возможно, что за это придется заплатить суверенитетом. К тому же многие страны региона, к примеру, Катар и ОАЭ испытали на себе действие террористических сетей «Братьев-мусульман» и Аль-Каиды, координируемых из саудовского королевства. Поэтому у них нет доверия к своему соседу. В итоге, отстранение США от борьбы Саудовской Аравии против Ирана скорее всего приведет к перестановке сил в регионе, что будет означать переход противостояния в Сирии в тлеющий конфликт, а гражданской войны в Ираке, наоборот, в активное противостояние, поскольку именно там проходит главный фронт борьбы суннитов с шиитами на Ближнем Востоке.

А тем временем из-за просчета Вашингтона на ядерном треке переговоров Тегеран не спешит с выходом из переговорного процесса в связи имплементации женевских договоренностей. Хотя многие в Иране достаточно серьезно призывают к этому. Стоит напомнить, что в среду группа парламентариев в Иране подготовила комплекс жестких ответных мер, которые правительство страны обязано будет принять в случае провала переговоров по иранской ядерной программе. Согласно законопроекту, правительство будет обязано подготовить к запуску ядерные объекты в Натанзе и Форду на случай введения новых санкций против Ирана, а также в случае нарушения прав Исламской Республики на собственную программу «мирного атома». Но главным положением документа является то, что если страны «шестерки» и Иран не достигнут компромисса, то обогащение урана должно быть доведено до 60%. Более чем однозначно, что данная инициатива иранских депутатов стала ответом на внесенные в Сенат США предложения о введении новых экономических санкций в отношении Ирана. Инициатива американских сенаторов,

в свою очередь, предполагает прямое и грубое нарушение США промежуточных договоренностей. Однако пока поводов для беспокойства быть не должно — действует промежуточная договоренность между «шестеркой» и Тегераном, которую многие страны называли «исторической», и Иран твердо придерживается духа и буквы этих договоренностей.

Кроме того, по информации, озвученной 27 декабря с.г. главой Организации по атомной энергии Ирана Али Акбаром Салехи, на сегодня у Исламской Республики имеется 19 тысяч таких центрифуг, разрабатываются центрифуги нового поколения, однако, прежде чем они будут запущены в серийное производство, эти центрифуги должны пройти все этапы тестирования. Салехи также отметил и некоторые другие достижения ИРИ в области ядерной энергетики, главные из них — улучшение качества работы иранских ядерщиков, увеличение производительности их труда с одновременным снижением затрат.

Недоволен ходом переговоров и министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф. 23 декабря с.г. он сообщил, что в настоящий момент проходят переговоры Ирана с «шестеркой» на уровне специалистов и продвигаются очень медленно. Зариф также призвал все стороны «серьезно, точно и дружески» осуществлять первый этап соглашения по иранской ядерной проблеме, который удалось достигнуть на встрече в Женеве.

И еще одно примечательное заявление Салехи, сделанное чуть позже. По его словам, Иран начнет претворять в жизнь договоренности, достигнутые в ноябре в ходе переговоров с «шестеркой» международных посредников в Женеве, не раньше, чем западные страны предпримут шаги по ослаблению санкций против этой страны. «Было Despite Minister Ali Akbar Salehi demand, Argentina celebrated last week the arrest warrants remain решено, что договоренности будут реализованы параллельно с реализацией планов (западных стран) по отмене санкций; когда они начнут действовать, мы приступим к выполнению наших обязательств», — заявил Салехи. Он также отметил, что Тегеран не намерен останавливать работу ядерного реактора в Араке. По его словам, по итогам переговоров в Женеве в ноябре Иран согласился затормозить установку части оборудования в Араке в течение следующих шести месяцев. Следующий раунд технических переговоров по вопросам возможного измерения иранской ядерной программы с МАГАТЭ состоится 21 января в Тегеране.

Поэтому можно пока сказать одно — в настоящее время напряжение в Вашингтоне и Тегеране вокруг «Совместного плана действий» все более нарастает. Пока президент США Барак Обама и верховный лидер ИРИ аятолла Хаменеи сдерживают своих чересчур возбужденных сторонников жестких мер. Но как долго они смогут это делать, предсказать сложно. Поэтому не воспользоваться нынешней во многом уникальной ситуацией для быстрого выхода из-под пресса финансово-экономических санкций Тегерану, с одной стороны, не хочется. Но, с другой стороны, и сдаваться перед Западом Тегеран не намерен. Поэтому надо срочно возобновлять переговоры по принципам реализации женевских соглашений по иранской ядерной программе. Иначе Саудовская Аравия и Израиль в этот промежуток времени, когда нет ни мира, ни войны, сделают для все возможное для торпедирования женевских соглашений и нагнетания очередного витка напряженности вокруг Ирана и в Персидском заливе в целом.

Икрам Сабиров

Иран в 2014 году

Не осталось ни одного СМИ, ни одного политолога и комментатора, которые бы не подвели уже итоги года уходящего, не обнародовали бы собственные прогнозы на год грядущий. Предновогоднее настроение, запах мандаринов, тазик оливы и охлаждающееся в холодильниках шампанское — все это настраивает на умиротворение в оценках и благодушие в ожиданиях. К сожалению, этому благодушию не будет места в наступающем году. 2014 год во внешней политике станет одним из самых непростых для России, Ирана и всего региона Ближнего и Среднего Востока.

Устоят ли женевские соглашения по иранскому ядерному досье перед неослабевающей атакой израильского и саудовского лобби в Конгрессе США, и с какими намерениями американская делегация сядет за стол переговоров в начале лета 2014 года, когда придет время от шестимесячного соглашения переходить к постоянному договору с Тегераном? Ответ на этот главный вопрос формируется уже сейчас как цепочка последовательных шагов, каждое звено которой — своеобразный кирпич, который ляжет либо в фундамент надгробия мирного процесса на Ближнем Востоке, либо в основание новой системы региональной безопасности.

«Двуликий Янус», он же — Вашингтон

Выборы в Конгресс США, которые состоятся в ноябре 2014 года, — основной фактор, определяющий отношение администрации Обамы к «иранскому вопросу». Для нынешнего американского президента и его госсекретаря Джона Керри, которого демократы прочат в кандидаты на будущих президентских выборах, нормализация отношений с Ираном — неплохой козырь в предстоящей предвыборной кампании. Но для американцев «внутренняя» повестка, «температура экономики» всегда важнее любых внешнеполитических успехов. А в формировании этой внутренней повестки роль израильского и саудовского лобби становится все более значительной.

Нет, в США не испытывают горячих симпатий к арабским шейхам. Как показали события 2012 и 2013 года, в США нарастает все более критичное отношение к Израилю, причем — не только в массах, но и в американском истеблишменте. Но в экономическом и финансовом отношении Америка

связана с «нефтяными котами Персидского Залива» тысячами прочных нитей, оборонными заказами и инвестициями, откатами и серыми схемами, а потому экономическая и политическая элита США, состоявшаяся на триллионах долларов, вложенных в Персидский залив, в ближайшей перспективе не позволит хозяину Белого Дома, кем бы он ни был, разрушить отношения с «непотопляемым авианосцем Аравия».

Аналогичным образом обстоит дело и с Израилем. Спрут израильского лобби, опутавший все властные коридоры Вашингтона, превратил Тель-Авив в «священную корову» для США. Содержание ее обходится в четыре миллиарда ежегодно, характер этой «коровы» скверный и истеричный, она постоянно гадит и подставляет, но отказаться от нее невозможно, потому как ее «неприкосновенность» накрепко забита пропагандой в мозги и политиков, и простых американцев, на уровне рефлекса.

Хорошо информированные американские источники сообщают, что на продвижение «своих», израильских кандидатов в Конгресс, различные фонды и общественные организации, в том числе AIPAC, уже вложили 600 миллионов долларов. И те же источники вполне обоснованно, с финансовыми выкладками и статистикой, прогнозируют, что к марту 2014 года сумма «пожертвований» перейдет рубеж в миллиард долларов. Железное правило лоббистского бизнеса — десять долларов прибыли на один вложенный. Нетрудно посчитать, что за выборный миллиард планируемая сумма преференций нефтетрейдеров и военно-промышленного комплекса составит десять миллиардов долларов. Ничего сверхъестественного и фантастического в этом нет, более того, указанная сумма даже немного заниженная, поскольку только на реализации ПерсоПРО и модернизации израильского «Железного купола» американский ВПК планирует выручить около 37 миллиардов.

Традиционно в этом бизнесе только чисто экономические ставки равны, как было сказано, один к десяти. То есть, эти фонды и сопричастное с ними международное еврейство должны получить за последующие четыре года как минимум 10 миллиардов чистого дохода из-за монополии на нефть и другие важнейшие сферы, бесперебойной работы ВПК, внутреннем и международном лоббизме во всех сферах. Кроме того, эти же израильские члены Конгресса, как правило, за отпущенное время должны закладывать перспективу для бизнеса и преимущественных отношений в самих США и во всем мире еще как минимум на 500 миллиардов долларов для своего безбедного существования и своих спонсоров.

Механизм насыщения этого спрута отлажен и работает как швейцарские часы. Он оказался столь эффективным, что израильское лобби начало экспортировать его и в другие страны Запада, предусмотрительно сменив упаковку. В «фантиках цвета радуги» завернуто все то же самое — проводники интересов американских, израильских и саудовских «ястребов». То, что когда-то не удалось сделать агентуре террористической армии НАТО — организации Гладио, сейчас делают «безобидные меньшинства», нахрапом занимающие места в парламентах и должности в муниципалитетах.

Впрочем, что нам Европа? Два российских закона о том, что, во-первых, занимающие государственные должности лица обязаны задекларировать свои зарубежные активы, и, во-вторых, мелькающие на экранах «экспер-

ты» и прочие правозащитники, получающие финансирование из-за рубежа, должны регистрироваться в качестве «иностранных агентов» (как давно уже делается на Западе), вызвали бешеное сопротивление, визги и истерику части политической элиты России и обслуживающей их «экспертной тусовки». Как следствие — используя несовершенство российской судебной и налоговой системы, они продолжают свою работу, обслуживая, в конечном итоге, интересы США, Израиля и собственного кармана. В настоящее время практически во всех звеньях российской власти, в том или ином виде сидят представители этой «либеральной прослойки», находящиеся на финансовом крючке у Запада и Израиля. Чтобы их деятельность не стала заметной, они внедряются в федеральные СМИ, включая ТВ, покупают или создают новые СМИ и таким образом формируют и направляют общественное мнение в нужном русле, шельмуют президента и государственных чиновников, разжигают ксенофобию и национализм. В России деятельность западной и израильской лобби и их прослойки достигли такого масштаба, что уже реально угрожает национальной безопасности страны и эта угроза многократно превосходит самое большое зло — международный терроризм во всех его ипостасях...

Этот Ближний Булящий Восток

Один из грустных юбилеев уходящего года — 10-летие американского вторжения в Ирак. Десятилетний юбилей разрушения существовавших сдержек и противовесов, после которого регион «пошел в разнос», «ступил в период турбулентности» — называть можно по-разному, суть от этого не меняется. Все эти десять лет практически любой шаг США и их союзников оборачивался на Ближнем Востоке еще большей кровью, еще больше запутывал возникавшие узлы противоречий.

Ирак на грани раскола, умытая кровью Сирия, растерзанная Ливия, ставший «землею войны» Йемен, «интернациональный джихад», зависшая в неопределенности Палестина... Вот далеко не полный перечень американских «достижений» в регионе. Неспособность Вашингтона «навести порядок», самоустранение США от поиска решения этих и других конфликтов порождает иллюзию того, что «Америка устала от Ближнего Востока», что она «уходит», смещая центр своей активности в Юго-Восточную Азию, поближе к китайским границам. Но это — всего лишь иллюзия. Американская политическая элита никуда не намерена с Ближнего Востока уходить и то, что мы видим сегодня — лишь «перераспределение полномочий» внутри региональных союзников США.

Вашингтон словно расстилает на будущий год перед своими союзниками коверную дорожку для эскалации напряженности. Но — расстилает строго в определенном направлении, на Иран. Именно Исламская Республика остается сегодня наиболее последовательным противником американской гегемонии в регионе, именно она является главным противовесом Саудовской Аравии и Израиля. И именно Тегеран в условиях беспрецедентного давления извне сумел сформировать шиитскую коалицию, которая под лозунгом Исламского пробуждения умножает на ноль планы США и НАТО по «переформатированию Большого Ближнего Востока». Сохранение контроля над регионом возможно для Вашингтона только и исключи-

тельно в случае, когда будет создана система «эффективного сдерживания» Ирана. «Железный купол» и ПерсоПРО, готовящиеся израильское вторжение в Ливан и новый этап «джихадистской интервенции» в Сирию — как раз и есть элементы этой системы.

Монархии Персидского залива формируют «суннитский» военно-политический блок. Израиль готовится нанести сокрушающий удар по Хизбалле, после чего и «ливанский», и «сирийский» вопросы будут для Тель-Авива и Эр-Рияда решены. Внешне Израиль и Саудиты действуют вполне самостоятельно, более того — они резко критикуют США за невнятность и нерешительность. Но многого ли стоит та критика? Поразительная вещь — вал критических заявлений в адрес США нарастает. А в ответ Вашингтон накачивает монархии Залива новейшими американскими вооружениями, наращивает финансовую и технологическую поддержку израильского военно-промышленного комплекса, блокирует в ООН попытки обуздать политику государственного терроризма, которые проводят Тель-Авив и Эр-Рияд.

К тому же, главный партнер США в исламском мире — Саудовская Аравия, разуверившая в решении сирийского вопроса, с целью удержания Ирана, собирается перевести основную полю кровавой битвы в 2014 году на Ирак под лозунгом глобальной войны с шиитами. Так как раскол Ирака минимум на три части, управляемая война всех против всех — единственный способ с кровью выдрать эту страну из шиитской коалиции. Блокировать для Тегерана коридор помощи Сирии, создать противовес иракским курдам и шиитам в виде террористических банд салафитствующего «Исламского государства Ирака и Леванта» — желаемая для Саудитов цель, гарантия сохранения и физического выживания династии, для достижения которой они готовы воевать до последнего иракца... Вот каковы ближайшие тактические задачи ближневосточных стратегических партнерах США в наступающем 2014 году, а политическое прикрытие всех этих планов в глазах международного сообщества американский истеблишмент будет осуществлять самостоятельно.

Хватит врать об Афганистане

Даже самым «упертым» российским политологам, которые считают официальные заявления американской администрации истиной в последней инстанции, стало понятно, что никуда США в 2014 году из Афганистана уходить не собираются. Максимум, о чем идет речь, — это трансформация военного присутствия, когда вооруженные силы США создают в стране сеть пользующихся экстерриториальностью опорных баз. Когда происходит увеличение присутствия в Афганистане частных военных компаний, костяк которых составят американские военнослужащие, переодетые в местную форму, но с суперсовременным американским вооружением, когда возрастает число американских инструкторов в «силах безопасности».

Администрация Карзая сегодня — это, по большей части театральная декорация, призванная продемонстрировать международному сообществу успехи США и НАТО в деле «экспорта демократии», а заодно и отчитаться за потраченные на этот «процесс» финансовые средства. Собственно, Карзай и ведет себя как театральный актер, «играющий» самостоятельность,

раздающий щедрые словесные авансы то Ирану, то Индии, то кому-то еще, прекрасно понимая при этом, что от него в Афганистане мало что зависит. Как мало будет зависеть от любого другого победителя предстоящих Афганистану в 2014 году президентских выборов.

Сегодня «новый Талибан» отказался от своего максимализма, от восприятия любых элементов западного образа жизни порождением шайтана. Этот отказ от фундаментализма «старого Талибана» и делает нынешних талибов договороспособными и рукопожатными в глазах Запада. Введя их во власть, США, в полном соответствии с колониальным принципом «разделяй и властвуй», обеспечивают себе гарантии дальнейшего пребывания в Афганистане. Итог этой американской трагикомедии по внедрению западной демократии в Кабуле для России и Ирана очевиден. Основная угроза — наркоджихад, «опиумная война 2.0», которая идет против Москвы и Тегерана при содействии находящегося в Афганистане «миротворческого контингента» НАТО, не прекратится, а будет только нарастать.

Давно известно, что после начала операции «Несокрушимая свобода» и введения в Афганистан военных контингентов США и НАТО производство опиатов выросло в 44 раза. В 2013 году площадь маковых плантаций в Афганистане составила 209 тысяч гектаров. По сравнению с 2012 годом этот показатель вырос на 36 процентов. А в соответствии с оценкой ООН, предполагаемый объем опиума, который можно произвести из выращенных в 2013 году растений, составляет 5,5 тысячи тонн, что на 49 процентов больше, чем в предыдущем году. Острые наркоджихада направлено на Россию и Иран. Участие в наркотранзите стало источником финансирования как ряда антиправительственных группировок в Иране, так и «джихадистского» подполья на территории нынешней Центральной Азии, от Таджикистана до Киргизии и Туркмении. Ни Москва, ни Тегеран, несмотря на все усилия и выделяемые из бюджетов двух стран средства, поодиночке противостоять этому наркоджихаду не в состоянии. Это общая угроза для наших стран, которая в наступающем году будет нарастать, и решать которую можно только вместе...

***

Вот мы и подошли к главному вопросу «иранской повестки» наступающего 2014 года — перспективам российско-иранского стратегического партнерства. Владимир Путин 19 декабря сего года на своей Большой ежегодной пресс-конференции заявил, что «Иран для нас является одним из приоритетных партнеров в регионе, это наш сосед. Мы настроены развивать отношения с Ираном по всем направлениям и это является нашим принципиальным выбором». И это вполне логично, так как провозглашенные российским президентом в качестве политического приоритета общие ценности и угрозы — сближают Москву и Тегеран естественным образом. Новые угрозы и вызовы, которые несет нашим странам наступающий 2014 год — диктуют необходимость принципиально нового, более качественного уровня партнерства. Наступающий год может стать сложным и драматичным, а трудности всегда лучше встречать плечом к плечу с надежным и проверенным другом.

Владимир Алексеев

Саудовская Аравия роет себе могилу

Чтобы лучше понять очередной провал новой антииранской инициативы Саудовской Аравии на последнем саммите ССАГПЗ в Кувейте 11 декабря с.г., где предложение Эр-Рияда о трансформации экономического союза в военный альянс было открыто и безоговорочно поддержано лишь Бахрейном, а другие члены Совета фактически уклонились от этого (создано лишь некое общее военное командование, причем без общих вооруженных сил), достаточно вернуться ровно на 2 года назад, когда король Абдалла озвучил проект создания 6-ю членами организации военно-политического союза в декабре 2011 года в выступлении саудовского монарха на саммите ССАГПЗ в Эр-Рияде якобы в качестве ответа на возрастающую «иранскую угрозу», как ее преподносили тогда правители КСА.

Тогда эта инициатива была нацелена на то, чтобы прочнее привязать консервативные монархии к ваххабитской Саудовской Аравии, и под лозунгом конфронтации с Тегераном сохранить у власти суннитские режимы Аравии перед лицом «революционных» перемен в арабском мире. Борьба с Ираном выглядела в этом контексте как привлекательный предлог, тем более что в Вашингтоне в то время еще не созрели до понимания сути «арабской весны» и необходимости нормализации отношений с Тегераном. Внутренние проблемы реакционных по своей сути монархий можно было смело свалить на происки внешних врагов, которые якобы решили расшатать устои консервативных аравийских режимов, используя значительные шиитские населения в ряде арабских стран Персидского залива. Такая интерпретация обеспечивала Саудовскую Аравию как минимум двумя преимуществами: первое, позволяла без ограничений подготовить и экспортировать своих собственных суннитов-ваххабитских джихадистов и террористов на «поля сражений» с шиитами в разные страны, прежде всего в Сирию и Ирак. Фактически, это означало выявлять на ранних стадиях своих джихадистов и потенциальных террористов-наемников и обеспечить их «работой» вдали от родины, в чужих странах. И, второе, данный способ обеспечения «занятости» собственных исламских радикалов существенно уменьшал давление на общую внутривосточную ситуацию. Дальнейшее развитие обстановки в Сирии и Ирака лишь подтвердило это.

В пользу того, что создание военно-политического союза мыслилось, прежде всего, как путь к предотвращению смены династических монархий в государствах Персидского залива на выборные республиканские режимы, сви-

детельствовала и параллельно выдвинутая Саудовской Аравией инициатива расширить ССАГПЗ за счет двух других суннитских арабских монархий — в Иордании и Марокко. И это при том, в отличие от Хашимитского королевства, имеющего хотя бы общую границу с КСА, Марокко расположено за тысячи километров от Персидского залива. Но это не смущало Эр-Рияд, поскольку столь необычный маневр позволял создать коалицию арабских наследственных монархий, которая бы опиралась на предложенный Саудией военно-политический союз.

Намерения Эр-Рияда на практике реализовались еще в феврале 2011 года в ходе инициированной и возглавленной саудовцами операции «Щит полуострова», в ходе которой в Королевство Бахрейн был введен контингент сил ССАГПЗ, в основе которых была саудовская дивизия, усиленная бронетехникой. Под предлогом борьбы с внешним вмешательством со стороны Ирана тогда удалось «заморозить» разразившийся на острове под влиянием «арабской весны» кризис между сильно зависящей от КСА правящей суннитской фамилии Аль-Халифа и шиитским большинством, потребовавшим политических прав и перераспределения в свою пользу властных полномочий.

После вооруженного подавления шиитских протестов в феврале 2011 года силами саудовского воинского контингента на острове наступил этап очень хрупкого видимого спокойствия, которое гарантируется саудовской оккупацией острова. Все произошедшее было квалифицировано как «заговор иностранного государства по свержению существующего режима». Понятно, что в данном случае это был «прозрачный намек» на Иран. Этот тезис уже задействовался руководством Бахрейна и ранее. Более того, в 2010 году именно под этим предлогом оппозиционные шиитские партии были фактически отстранены от участия в парламентских выборах. А ведь речь идет о 70% населения. Путь репрессий в данном случае, как показывает опыт в других странах, неэффективен и даже контрпродуктивен. Более того, «вариант жесткого прессинга» смог бы сработать исключительно в случае дальнейших постепенных послаблений шиитскому капиталу и умеренным политическим партиям. И сегодня власть суннитского королевского режима в Бахрейне обеспечивается исключительно опорой на военную силу Эр-Рияда. При этом арабские монархии Персидского залива, как впрочем и Запада, в упор не видят этой проблемы и игнорируют ее рассмотрение, оставляя тем самым взрывоопасный очаг, способный вспыхнуть в любой момент.

Вот только немного статистики в подтверждение этого. При том, что в настоящее время 70% населения Бахрейна составляют этнические арабы-шииты, в структурах власти они представлены совершенно несправедливо. Представительство шиитов в таких структурах власти, как королевский двор, королевская гвардия и армия близко к нулю. Из 29 министерских постов в правительстве Бахрейна шиитам принадлежит только 6. Из 29 заместителей министров шиитами являются только 3. Из 230 высоких постов в судебной власти, включающей в себя Высший судебный совет, Конституционный суд, суды, административные советы и т.д., шииты занимают только 28 мест и при этом среди них нет ни одного председателя суда, т.е. доля шиитов в судебной власти составляет около 12%. В законодательной власти среди 40 членов Консультативного совета (Меджлис аш-Шура) насчитывается 17 шиитов и среди 40 членов Палаты депутатов — 18 шиитов. Несправедливая избирательная система продолжает сохранять жесткую дискриминацию шиитского большинства населения королевства.

Бахрейнское суннитское руководство под влиянием своего «старшего брата» по Персидскому заливу предприняло шаги, которые лишь загнали ситуацию в тупик. Мало того, что в структурах власти шииты представлены крайне несправедливо, в добавок к этому в стране развернулась самая настоящая «охота на ведьм». Были уволены со своих должностей или потеряли работу более 3600 человек, в основном в государственных или полугосударственных компаниях. В частном секторе дела обстояли еще хуже. В Интернете появился «черный список» компаний и магазинов, которые принадлежат шиитам, с требованием их бойкота. Фискальные органы вынудили шиитов сворачивать свой бизнес. То есть проведен передел собственности. Кроме того, произошло серьезное ущемление религиозных прав шиитов. Разрушены или серьезно повреждены более 40 мечетей или объектов культа. А это еще больше разозлило шиитов, сделав примирение с ними мало вероятным. Понимая это, руководство Бахрейна пошло на совершенно беспрецедентный шаг, начав негласную кампанию натурализации суннитов из других стран Персидского залива с предоставлением им подданства страны. Понятно, что расчет сделан на будущие выборы, так как изменить серьезным образом демографический баланс в пользу суннитов представляется маловероятным.

Одновременно сохраняется военная составляющая присутствия КСА в Бахрейне в рамках плана ССАГПЗ (принят в сентябре 2011 года) о наличии на постоянной основе военной базы в Бахрейне. Там постоянно должны базироваться около 1000 военнослужащих Совета, в основном саудовцев. Эта ситуация иллюстрирует лишь крайне близорукое видение перспектив, которое демонстрируют престарелые руководители Саудовской Аравии. Многие шиитские представители в Бахрейне убеждаются в необходимости продолжения дальнейшей борьбы, которая, как представляется, будет сочетать в себе мирные, а возможно и силовые методы протеста. Да у них и не остается другого выбора, благодаря «мудрости» саудовских стратегов. И в Эр-Рияде должны помнить, что прямо «под боком» Бахрейна, в находящейся на расстоянии 30 км через мелководье Персидского залива саудовской Восточной провинции, большинство населения также составляют шииты. А ведь именно в этой части КСА добывается почти вся нефть саудовского королевства. И местные шииты гневно отреагировали на вооруженное подавление волнений в Бахрейне, проведя многочисленные демонстрации протеста, в ходе которых несколько человек были убиты полицией и силами безопасности. И нет гарантии того, что когда-нибудь шииты Бахрейна и Восточной провинции не выступят против дискриминации со стороны суннитов и ваххабитов совместно со всеми вытекающими отсюда последствиями для саудовского и других арабских режимов.

Поэтому и на этот раз другие члены ССАГПЗ не слишком радостно восприняли очередную идею Эр-Рияда о трансформации Совета из экономического объединения в военный блок. Им вовсе не хочется влезать ни во внутренние разборки между суннитами и шиитами в самой Саудии и в Бахрейне, ни тем более в опасные антииранские игры Эр-Рияда против Тегерана. Тем более что в отношении Ирана КСА сейчас действует в унисон с Израилем. А это означает, что арабским монархиям придется отказаться от еще теплящихся на поверхности принципах общеарабской солидарности по палестинской проблеме — единственной, которая после волны «революций» еще формально хоть как-то объединяет арабов. Если же и это «единство» прекратит свое существование, то тогда арабские республиканские режимы получают полное

моральное право выступить против прогнивших монархий Аравии и заключить на этот счет сделку с любым потенциальным союзником, включая Иран. А ведь месть за то, что своим вмешательством Саудия, Катар и еще кое-кто из ССАГПЗ фактически посеяли смерть и разруху в таких арабских странах как Египет, Сирия, Ирак, Йемен и Ливия, может быть очень сильной. Большинство арабских государств и так недолюбливали чрезмерно богатые монархии Персидского залива, разжиревшие на доходах от нефти и газа, и не особенно делившихся с арабскими «братьями», многие из которых прозябали в нищете.

Вот и пытается сейчас Саудия выстроить военный альянс. Ведь в Эр-Рияде замышляют его не только как антииранский, но и антииракский, поскольку мощный нефтяной Ирак с его большим населением и крупными вооруженными силами, 2/3 которого составляют шииты, тоже представляет угрозу безопасности саудовского королевства, уверены в Эр-Рияде. Вот и вбрасывают сейчас саудовские спецслужбы сотни миллионов долларов на разжигание выступлений суннитских радикальных организаций против шиитского правительства в Багдаде. Видимо понимают, что иракцы всегда будут помнить, как КСА долгие годы стремилось ослабить северного соседа, а по возможности — и расчленить его по этноконфессиональному признаку. И вряд ли иракцы это простят. А уж если Ирак и Иран объединятся на платформе противодействия агрессивному ваххабито-суннитскому наступлению на них, то уж тогда Саудовской Аравии точно не поздоровится. В Сирии же она уже фактически проиграла. Вот и ищут саудовские правители союзников среди схожих по политическому устройству монархий Аравии и даже готовы пойти на сделку с Израилем.

Только вряд ли из этого что-либо получится, тем более что США существенно меняют свое отношение к странам, которые делают ставку на исламских радикалов и даже террористов из Аль-Каиды и других экстремистских организаций. Последние дни в Ираке разворачивается ожесточенная война между суннитским террористическим подпольем, финансируемым саудовцами, и войсками центрального правительства. На подавление боевиков в 4-х суннитских провинциях западного и центрального Ирака брошены не только бронетехника, но и авиация. И хотя правительственные войска несут большие потери, вплоть до того, что на днях погиб даже близкий премьеру Нури аль-Малики генерал, командующий 7-й дивизией, уже уничтожены многие очаги террористических бандформирований.

***

Сейчас основные сражения в суннито-шиитском противостоянии, разжигаемом ваххабитами Саудовской Аравии, переместились из Сирии в Ирак. Но там же все и должно закончиться, причем разгромом экстремистов и террористов, возвращаемых именно Эр-Риядом. Если только КСА вдруг не пойдет на самоубийство, спровоцировав совместную с Израилем агрессию против Ирана. В этом случае вся геополитическая карта региона будет перекроена, а сама Саудия распадется на несколько квази-государств или анклавов, равно как и в Бахрейне шииты возьмут власть в свои руки. Но хочется верить, что все-таки саудовские правители найдут в себе силы отказаться от авантюры.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Деревня Фашандак, провинция Казвин

